

The image is a vertical composition of three distinct scenes. The top scene shows a mountain range under a sunset sky, with a river flowing through a valley. The middle scene is a horizontal band of a colorful, abstract, repeating pattern. The bottom scene depicts a dense forest on a rocky outcrop, with a bright sunset reflecting on the water below.

Юрий КАРАНИН

ЛУЧНИК

Любый
мой

Юрий КАРАНИН
Лучник. Любый мой.
Книга четвертая

«Издательские решения»

КАРАНИН Ю. С.

Лучник. Любый мой. Книга четвертая / Ю. С. КАРАНИН —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984102-5

Куда простирается Петля Времени? И какие они разные — Время Члуна-Икосаэдра и Время града Китежа. Тем не менее, тесно переплела их Петля. А Тысячеликий тоже рядом — за Кристаллами Времени охотится. Книги серии «Лучник»: «Холодное Солнце Драмины», «Лабиринт», «В паутине Зеркал», «ЛЮБЫЙ МОЙ», «Под созвездием Волка». Дизайн обложки — Сара Ковтун (Познань, Польша).

ISBN 978-5-44-984102-5

© КАРАНИН Ю. С.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
ЧЛУН ИКОСАЭДР. ДВАДЦАТАЯ ГРАНЬ	6
Глава вторая	16
ЧЛУН-ИКОСАЭДР. УЩЕРБНАЯ ГРАНЬ	16
Глава третья	42
На дальних подступах	42
Глава четвертая	58
Члун-Икосаэдр. Страсть и разочарования	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лучник. Любый мой Книга четвертая

Юрий Сергеевич КАРАНИН

© Юрий Сергеевич КАРАНИН, 2020

ISBN 978-5-4498-4102-5 (т. 4)

ISBN 978-5-4498-3917-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КАРАНИН Юрий Сергеевич

ЛУЧНИК

Фантастический роман в 5 книгах

Объем 112 авт. листов.

Книга четвертая

ЛЮБЫЙ МОЙ

Глава первая

ЧЛУН ИКОСАЭДР. ДВАДЦАТАЯ ГРАНЬ

1

Его кристалл не помутнел, не потерял своей чистоты. Все девятнадцать граней были все так же девственно чисты. Двадцатая тоже совсем не изменилась. Страшное предсказание не исполнилось, хотя война, по сути, проиграна, как и предсказывалось.

Как и предсказывалось. Император Члун тяжело вздохнул и неуверенно водрузил символ своей власти – Икосаэдр на свое законное место.

С самого первого дня все в этой странной войне пошло не так. И хотя эту войну начал не он, но, отражая противника, он увлекся и вторгся на сопредельную территорию. Как будто своей было мало?

И уж совсем не оправдывает Императора, что этого не желали Боевые Маги. Как будто раньше они так ни разу не делали?

Так хотели наемники? Наемники – статья особая. Перекатываясь из одного угла планеты в другой, могли они сегодня послужить тебе, а завтра выступить против тебя. И все на законном основании. Члуна не интересовало, откуда они пришли. Их было не слишком много, этих наемников, но запросили за работу без стыда и совести. Если бы не благоверная, то Но они удачно отразили врага, а, когда отразили, их воевода слишком уж настойчиво предложил разорить богатые земли немирного соседа.

Полно! Сам и восхотел. Империя еще при отце изрядно обветшала и поменела в размерах, – не империя, а одно название: на добром коне из одного конца в другой, сказывают, можно за день обернуться, а на рейдере и того хлеще.

А теперь вот и рейдера нет, пусть и плохонького, но престижу немало. В других-то землях и таких нет. Отец не признался, где, как и за какую цену его приобрел, но подданные не умолкали, что именно с того времени и начала чахнуть империя. А с чего ей из-за рейдера чахнуть? Разве с того, что работал он на жидкости, на кою потребность людей немалой была и в казну государственную большой доход приносила. Государственно-монополярная жидкость. Но не так много рейдер и потреблял ее, иногда вообще без нее обходился. Почему и как, неизвестно. Раньше-то, говорят, он к другим звездам летал. Врут, наверное?

Члун поискал глазами, куда бы «приземлиться»: отправляясь на войну, он приказал подладить всю мебель в Тронном зале. Мебель вынесли, но пока так и не вернули на место. Наказывать надо их будет. Совсем распустились без глазу Императорского. И это больно кольнуло самолюбие Члуна. Империя гибнет.

А на глаза – случайно ли? – попался родовой кристалл. Может, прав был придворный маг Сейратонус-старший, когда говорил: «Икосаэдр – высшая форма кристалла. Взяв его символом рода, вы обрекаете империю на застой, а, следовательно, на гибель»? Умерщвление мага лишь ускорило падение. От других придворных магов такого упрямства уже не было, но не было и сколько-нибудь заметного толка.

Члун прошел уже половину Зала, и вдруг что-то заставило его с удивлением оглянуться. Распахнутый парадный вход в Тронный зал тускло просматривался далеко в глубине Дворца. Еще один укол! – и Члун теперь уже тревожно остановился. Куда, а, главное, зачем он шел? И ведь не впервые с ним такое. Стареть как бы рано? Глупеть тоже! Глупеть?

Члун стал Императором после того, как его отец прилюдно «впал в детство». Но с самого первого дня злые языки без устали разносили, что и его потомков ждет та же участь. И всегда рядом находится другой язык, который возражает, что «неразумному дитяти невозможно «впасть в детство». И за глаза никто не называет его Члуном-Икосаэдром, – все Члуник да Члуник.

Да, что это такое? Неужели во всем Дворце нет подходящего сиденья? Он прошел весь Тронный Зал, вышел через боковую дверь, и только в конце коридора у окна обнаружилась колченогая скамья, но и она на миг показалась треном для внезапно ослабевшего тела.

– Это что за безобразие такое? Завоевал, или провоевал? – Только «благоверной» сейчас здесь и не хватало. – Когда воротился-то? Тихо больно приехал. Вроде бы чутко и спала, а не слышала....

– Под утро и воротился. – Вздохнул Члун. Он хотел, было, дополнить, что не было смысла, шум поднимать, но передумал. Не велика особа.

– Ладно ль повоевалось? – Между тем продолжала «допрос» «благоверная».

– Какое там. – Махнул рукой Император. – Наемники, коих ты нашла, дела своего не выполнили. Разбежались, кто куда.

– Да-к, это и хорошо, – за наем платить не надо. Сам-то цел?

– Цел. – Снова вздохнул Члун. – Но от Легиона только половина вернулась.

– А добыча какова? – Она пытливо посмотрела в глаза мужа, и тут же вспомнила свой первый вопрос. – Это-то зачем тут и откуда?

– Что? Где? – Не понял Члун.

– За окнами, как понимаю. – Едко усмехнулась «благоверная».

За окном клубился туман, сквозь волны коего было трудно, что рассмотреть.

– Туман. – Пожал плечами Члун.

– Издеваешься? – С места в карьер взвилась «Не совсем состоявшаяся Императрица». Оказалась она бесплодной, – и, если еще год – два не родит наследника, то суждено ей постыдно покинуть Дворец. Но гонору все еще было предостаточно, могла порой и руку на мужа поднять. Но в постели была «больше чем горячей», – оттого и терпел ее Члун.

– Не понял я тебя, Сиуат. О чем ты все время вопрошаешь?

Тут-то она и поняла, что он не хитрит. – О Дворце том, конечно. Вывоевал, спрашиваю? Или землю провоевал?

– Каком таком дворце? – Но ответ уже опоздает, ибо увидел он, наконец, за окном неясные очертания далекого строения, над городской стеной возвышающиеся.

Разумеется, сначала он просто онемел от удивления. Дворец, или Недворец, но примерно там, где всегда было озеро, выше городской стены возвышалось нечто, ранее невиданное там. На сердце похолодело, и в голову вступила оторопь: «Если вчера благоверная этого не видела?».

– Ч-что-о это такое? – Наконец, он удосужился вопроса.

– Это я тебя спрашиваю, что это такое? Пока ты не вернулся, этого не было. Где ты нашел эту

Члун тоже умеет возмущаться и шутить:

– И что? Ты решила, что за одну ночь я смог это построить? Я бы, конечно, рад был это сделать, но ... – И он, отдувая губами, демонстративно развел руки.

– Но оно же появилось за одну ночь. – Повысила голос «императрица».

– Видения всегда появляются за одну ночь. – Члун, кажется, нашел ответ, и «благоверная» смутилась. Видения на озере появлялись весьма нередко, правда, не так четко.

– А и верно. – Почему-то обрадовалась супруга. – Конечно, это самое настоящее видение. Голоден, поди-ка? – Тут же сменила она тему разговора. – Вон, как щеки-то впали.

– Я ж на войне был, а не на прогулке какой. – Немного обиделся Члун, но Сиуат уже села на своего конька:

– И на войне питаться надо, а не только с девками шалопутными «хороводиться».

– Не брал я с собой никого. – Смутился Члун.

– Этого-то «добра» везде можно отыскать, были бы деньги. – Возразила супруга. Мягко возразила, ибо могла сказать и «Свинья грязи везде найдет».

2

Раньше-то видение над озером никогда не стояло так долго. Впрочем, и сам туман почему-то задержался. Ну, не весь туман, а только легкая дымка, но какая-то не такая. диковинная дымка, будто бы занавес прозрачный, – так и тянет за него заглянуть.

Потому и трапеза прошла без большого удовольствия. И, едва закончив ее, Члун не пошел в опочивальню, а отправился в башню к астронагам, дабы через подзорную трубу рассмотреть сие престранное явление.

А явление оказалось совсем даже не дворцом, а крупным градом – размером не менее, если не более, Стольного града. Одних сторожевых башен об одной стороне насчиталось семь глав да две надвратные.

И, все равно, это – видение. Испокон веков не было на озере острова, на коем взгромоздился чудной град.

Члун уже готов был покинуть башню, да послышался звук пушечного выстрела, а над одной из башен поднялось характерное белесое облако.

Вот тебе и видение!

Члун едва ли не кубарем скатился по лестнице и, не приведя себя в порядок, выбежал на улицу.

«Уж, не в детство ли впал?», – больно кольнула оторопья мысль, но, он уже заметил, как на крепостной стене мятежно скупивалась стража, размахивая и возбужденно показывая руками в сторону озера.

Дожди – весьма редкое в столице явление. Но этот, такой же короткий, как и большинство других, – за трапезой могли бы и не заметить его, – тем не менее, оставил после себя настоящий потоп. Пока пробирался по многочисленным лужам до входа на стены да пробирался наверх по скользким ступеням, Члун успокоил сердце, и пред стражей предстал уже Император.

– Как служба, храбрецы?

– Стоим, Ваше Величество. – Бодро гаркнули десятка три глоток.

– Что нового?

– Невидаля, однако. – Почесал затылок Нарядный. – Град супротив нас стал.

– Это как это стал? Войной? – Деланно возмутился Члун.

– Нет пока.

– Почему, пока? – Снова словно не на шутку перепугался Император, – еще бы, от одной войны еще не оправились.

– Не ведаю. – Снова заходила по затылочной части рука нарядного. – Воев покамест не видать, а тревожно что-то. Пушка их только что стрельнула. Может, подземный ход уже роют?

– Так лазуту надобно послать. – Тревога нарядного тут же передалась и к Императору. Конечно, посыл лазуты не входит в обязанности нарядного, – его задача – нарядом командовать, а лазуту посылает Воевода. Но Воевода вернулся только ночью, стало быть, почивает сейчас и духом не ведает о новой напасти.

– Послана лазута уже. А как иначе? – Между тем докладывал Нарядный. – Скоро, полагаю, воротятся в обрат.

– Вертаются уже! – Словно в подтверждение его слов прокричал сторожевой с Набатной башни.

Члун поспешно перешел на другую сторону стены, но лазута еще долго не показывалась в виду. Вернее, совсем не показывалась. На то она и лазута. Понятно, что и шагов по лестнице не слышалось.

А об их появлении Члун узнал с вопроса нарядного:

– Что поведали?

– Дык, град настоящий, кажись. Чудной только. – Неуверенно отвечивал один из лазутчиков.

– Из чего решил? – Проявил усердие Нарядный. Сильно не поверил лазуте. Без войны лазута не обременена работой, оттого и расслаблялась излишне. Он, конечно, позабыл, что лазутчики вернулись с войны только за день до Легиона.

– А чего решать? Виденье – оно и есть виденье. Да и маг Сермидор с нами был. О твердь его шар ударился, о дерево, из коего городская стена сделана. Дерево-то возьми – и задымись. Да-к их стража тушить принялась. А потом пушка стрельнула.

– Ан не врешь? – Недоверчиво повысил голос Нарядный. – Или пьян, поди-ка?

– Сам ты пьян. – Лазута, как и Нарядный, цену себе тоже знал. – Если не веришь, почто разведать просил?

– Слишком сказочно ведаешь. – Уже примирительней ответил Нарядный.

– Оно и есть, что сказочно. Еще как сказочно. У нас на глазах обоз пришел. И все бы ничего: обоз – как обоз, да вышел-то он из воды.

– Как, из воды? Ну, точно, пьян

– То-то и оно, что из воды. – Не сдавался лазута. – А как ни на есть, сухой.

– А ну-ка, дыхни. – Осерчал Нарядный, и, кажется, только сейчас вспомнил об Императоре. Он беспомощно оглянулся на Члуну, мол, что прикажешь с ними делать.

– Ты в этом уверен, Сабор? Все хорошо рассмотрели? – Гораздо мягче нарядного спросил Члун.

– Сколько могли. – Лазута несколько заносчиво посмотрел на нарядного. – Град-то сей в озере, – близь и не подберешься. Один рискнул, было, сплавать туда, да чудом жив остался. Прямо у берега рыбины на него набросились, – еле отбили.

– А я думал, рыбу ловите? – Почти одновременно весело крикнули с Набатной башни два голоса.

– Поймаешь ее. – Буркнул Сабор. – Они сами, кого хочешь, поймают. Видать, теперь в озере уже и не купываться?

– Не плачь, Сабор. Освободи Маконю на пяток дней, – всех выловит. – Хохотнул кто-то из стражи.

– Ага. – В отчаянии махнул рукой Сабор. – Его-то чуть и не съели.

– Маконю? – Многозначительно переглянулись многие. – Это что же за напасть такая появилась?

– То-то что и напасть. – Повторил отчаянный жест Сабор. – Да не о ней ведь речь-то. С градом-от этим, думаю, сложнее будет.

– Гли-ка, он думает. – Хлопнул шапкой по колену Нарядный. – Мы и сами это видим. Ты, мудрец, поведай нам, коли думаешь, чего нам ждать: мира, али новой сечи.

– Ишь ты, какой шустрый. – Ни на шаг не отступил лазута. – Ты, вот, первым увидел град, так? Ну и что сумел высмотреть? А ничего. Потому что это – новое для нас явление, непонятное. – Он хитровато склонил голову, да так, что посмотрел на нарядного как бы снизу

вверх, но при этом выглядел сильнее и выше своего собеседника. – Чего ж попусту с утра голову понапрасну мучить как с похмелья. Может, солнце пригреет – и сгинет это видение. А не сгинет – пусть налог платят, али подать какую. А ратью пойдут – так и рати мы видывали.

– Ух ты, все рассудил! – Похоже, достанется сегодня шапке нарядного! – А если не захотят платить налог?

– Как это не захотят? – Впервые стушевался Сабор. – Заставим. Если что, сами ратью пойдём.

Члун не стал дожидаться, когда закончится веселая перепалка, – и незаметно удалился со стены. Бессонная ночь все-таки уже начала давать себя знать. Да, и прав Сабор: нечего, не разобравшись, за мечи хвататься, – а вдруг да град сей поможет вернуть былое величие?

Впрочем, улучшенного настроения хватило только до встречи с супругой.

– Где снова шастал? Снова на девичьей половине околачивался? Ой, гляди, сожгу этот гадюшник.

Это было уже выше всяческого терпения, – и Члун впервые в жизни замахнулся на «благодарную»:

– Замолчи, змеюка подколодная. Завтра же ты переезжаешь в новый дом. Завтра же! – Выкрикнул он последние два слова. – Наследника от тебя мне, все равно, не дожидаться.

Сиуат побледнела и бросилась на мужа с кулаками, но он бесцеремонно оттолкнул ее и, уходя, проронил:

– Думу сегодня соберу. Их мнение ты уже знаешь.

Да, их мнение она знала, и знала, что прочат в «императорши» Новарову Зрасту. Зраста – кандидатура некрасивая, и потому перезревающая в девках, но их род весьма плодovit

«Жаль. Надо было раньше ее удавить», – в сердцах прошипела обиженная Сиуат, глядя вслед быстро удаляющемуся Императору.

3

К полудню планы круто поменялись. Да, и как не поменяться, если видение, вопреки ожиданиям, не рассосалось. Наоборот, очертания града стали четче. Более того, на стенах его обозначилась многочисленная стража. И пушки.

К тому же пришли в град еще два обоза о десять возов каждый, но, откуда пришли, никто не понял, а верить в то, что из озера, – это же птицам на смех.

Впрочем, и к полудню град не проявлял ни враждебности, ни миролюбия. При желании можно предположить даже, что этот мир, то бишь, столица для него и невидима вовсе.

– А если пухнуть по ним? – Предложил, слегка приоткрыв сонный глаз, пушкарь. – Авось отзовутся.

– Я-т тебе пульну. – Тут же вскинулся Нарядный. – А если у них пушек во многорядь больше и лупят сильнее?

– Да, я просто так предложил. – Начал оправдываться мигом проснувшийся пушкарь. – Оно и понятно, что наобум стрелять нельзя. Но стремно что-то в неведении пребывать.

– Это тебе-то стремно? Спишь всю смену, аки младенец. – Усмехнулся Нарядный.

– Это он-то младенец? – Весело рассмеялись с набатной. – Еще пару смен, – и от его храпа стена посыплется.

– А это он неприятеля отпугивает. – Ага, потому-то град тот и затаился, ибо страшно – Еще бы, кто захочет пойти против такого оружия. – Ага, надо было Сарлаку в поход брать, давно бы всех повоевали.

Члун начал, было, мало-помалу успокаиваться, веселясь от незлобивых шуток, но последняя просто убила зачатки благостного состояния. Последний поход не был удачным по всем параметрам. Крепость, конечно, взяли, но крепость с собой не увезешь, а защитники

ее успели сбежать, и золото-серебро унести. А вслед за ними сбежали наемники, когда поняли, что поживиться будет нечем.

Вспомнив про поживу, Члун немного устыдился своего скоропалительного решения удалить «благоверную», ибо это с ее подачи не пришлось расплачиваться с наемниками. Еще бы, наемники всегда стоят весьма дорого, но она уговорила их на половину захваченного добра. И только.

Вестимо, наемников не устроило такое положение дел, – и они, тайно покинув расположение лагеря, устремились на перехват ускользающей добычи. Лазута позже доложила, спастись удалось единицам, хотя и дрались они, как и подобает потомственным воинам. Дрались так, что и у сопредельной стороны не осталось сил, чтобы противостоять Члуну. И все же, и Члун был вынужден согласиться на несоразмерно малую компенсацию за возвращаемую противнику крепость – почти столько же, сколько пришлось заплатить своим войскам, чтобы не породить смуту в империи. А казне достались только крохи.

И снова стража «не заметила», как император ушел со стены. Впрочем, он, хоть и обиделся на ту шутку, но ему сейчас меньше всего хотелось ненужных разговоров. «Да, – крепко застряла в голове тягостная мысль, – налог с града совсем не помешал бы».

Не помешал бы, но сначала надо поближе познакомиться с градом. А посему самое время прогуляться к озеру. И искупаться не мешало бы. Но последнее желание мигом укротила мысль о диковинных рыбах, да, и, всего скорее, Императорский пляж давно не чистился.

Честно говоря, купание Императора – менее заманчивое предприятие, нежели купание простого народа. Если простой народ, как правило, купается в одних нательных рубашках и, чаще, без портов, то Императору такое не позволено. Даже придворным есть послабление. А ему приходится поверх нательной рубашки надевать и купальное платье. И, когда все это тяжелым грузом виснет на требующем снисхождения теле, вместо радости приходит одно раздражение. Но приходится это терпеть, ибо не следует показывать Императору свою слабость.

«А день-то, как назло, будет жарким, – и так всегда: одна невеселая мысль порождает другую, – значит, придворные захотят-таки купаться. И снова пойдет плохая молва: мол, не справляется император, – пляж не готов, вредная рыба не отловлена».

Пляж-то почистят быстро. Кабинки, чай, не поломаны, а вот с рыбой – незадача, хотя есть надежда, что нечего ей делать на пляже. Все равно, многие увяжут за ним, когда узнают про его решение.

Члун по привычке заглянул во внутренний двор Императорского Дворца. Так и есть. Женская половина свиты уже начала, весело подшучивая, готовить себе купальные платья. Этим платьям, сшитым на особый манер, позволялась довольно озорная вольность, открывающая прелесть изящных форм и свежесть кожи их хозяек.

«Так сказал придворный поэт», – почему-то смутился Члун, ровно так же, как смущался, когда разглядывал эти самые формы, обозначенные намоченными платьями. Это же не ночью, когда

Но такова уж доля Императора: в боевой поход не берет жен, но кто-то же должен отогревать утомившуюся в рати душу.

И Члун разом забыл про все страхи и сомнения, и, лишь проходя мимо опочивальни «благоверной», вспомнил о своем утрешнем решении.

Дверь в опочивальню была распахнута настежь, чего никогда не бывало. Уехала уже? Или?

Заподозрить можно было все, что угодно, – И Члун с тревогой шагнул вовнутрь.

Он ожидал всего, но это? При настежь распахнутой двери?

– Почему дверь не закрыта? – Нервно гася замешательство, слегка заикаясь, спросил он.

– Мух травили. – Как ни в чем не бывало, ответила она слегка кокетливо. Она имела право кокетничать, – годы совсем не испортили ее фигуры. Скорее, наоборот.

– Но ты ...? – Он все еще не пришел в себя.

– Душно. – Теперь и она начинала нервничать. – А мне надо собираться.

– Но ты же?

– А это уже, все равно. Я уже никто в этом доме, поэтому мне незачем придерживаться внешних приличий. Я же – падшая женщина, не так ли?

И она, непокорно вздернув нос, дерзко пошла к Императору:

– Полагаю, что Император изволит на досуге, по старой памяти, заглянуть к развратной женщине?

Пошла – нагая, безумно красивая, желанная. Если бы ...?

Это было их очередным безумием. Днем, когда ждут неотложные дела?

Но он не мог совладать с собой. А она?

А она вдруг поняла, что случилось чудо. Поняла по особой вспышке в сознании. И оттого, что вдруг перестал мучить вопрос о смене «императрицы», кой витал в головах уже много лет.

А она надеялась, надеялась, и подсыпала Члуну снадобья, когда он отбывал по своим «императорским» делам в сопровождении возможных соперниц, дабы не могли они дать ему наследника. Но на этот раз она этого сделать не успела, – и теперь, кажется

Она понимала, что такое не случается сразу, что на это нужно время, но это случилось Случилось! Случилось! Случилось!

Но она чуть, было, неприязненно не оттолкнула Члуна. Поздно!

– Мне уезжать завтра? – Спросила она глухо, с трудом сдерживая слезы.

– Почему? – Не сразу понял он. – Нет, я передумал.

– Сейчас? – В ее душе уже закипала обида.

– Почему, сейчас? – И, догадавшись, что его слова звучат фальшиво, признался. – Еще когда был на стене. Подумал, что плохо мне без тебя будет. Роди мне наследника. – Он беспомощно опустился перед ней на колени.

– Я постараюсь. – Прошептала она. – Мне кажется – Но она не решилась сообщить ему о своем открытии.

А надо было. Придворные дамы оставались верны себе, и, не без оснований надеясь и не особенно таясь, откровенно соблазняли Императора. Особенно Зраста, видимо, решившая, что она – почти «императорша». Ее легкое купальное платье едва ли не просвечивало, а она бесстыдно крутилась у Члуна пред глазами.

4

– Там старик какой-то. – Вынырнул из кустов старшой лазута Сабор. Вынырнул и... растерянно зажмурил глаза, поскольку от его появления уже поднялся оглушительный визг кокетливой свиты. Еще бы! Ну, никак не дозволялось низкому сословию лицезреть откровенности придворных дам.

Члун выждал, когда дамы скроются в кабинках и визг утихнет, и недовольно спросил:

– Какой – такой старик? Откуда?

– Из града, полагаю. – Сабор, наконец, открыл глаза.

– Полагает он. – Снова недовольно проворчал Члун, но молча одернул себя: не за тем ли и находятся они здесь? – Почто сам не поспрошал?

– Почему, не поспрошал? Поспрошал, да чудные вещи старик-от глаголет. Не все и понятно.

Что поделаешь? Пришлось оставить осмелевшую свиту на попечение матерей и нескольких увязавшихся за свитой недорослей, и самим удалиться на дальний берег.

Поначалу Члун расстроился из-за того, что согласился на предложение лазуты. Старик оказался и в самом деле странен. Начиная с одежды. Такой здесь нигде не носят. И не носили. Не носили, – потому что старик казался таким древним, что

Члун не смог бы назвать приметы, давшие основание на такое определение возраста старика. Но даже извечно торчащий из песка камень казался неприлично молодым по сравнению с ним.

А старик с небрежным вниманием посмотрел на Императора и, загадочно хмыкнув, почесал почти «босую» макушку. С камня он так и не слез.

– Эй, ты! – Угрожающе шагнул к нему сотник Глань, сынок Новаров. – Встань, – перед тобой Император стоит.

– Император? – Старик, кажется, усмехнулся. – Это надо же? Стало быть?

Он не успел досказать. Глань коротко размахнулся и наотмашь ударил непочтительного старика.

И, ... перелетев по инерции через камень, пребольно шлепнулся на мелкий галечник.

– Ах, ты! – Он вскочил на ноги и занес руку для нового удара.

– Остынь, Глань! – Грозно осадил его Воевода, но сам подозрительно прищурил левый глаз. Он-то знал силу Глановой руки. Старик должен был отлететь в озеро, но он, как ни в чем не бывало, сидит на камне. А вот, как Глань перелетел через камень, понять было мудрено.

– Ты из града, отец? – Как можно миролюбивее спросил он старика.

– Можно сказать, и так. – Снова почесал макушку старик. – Из града, стало быть. Али нет. Память, что сито. Иногда назад оглянешься, – весь послед новостями засыпан.

– Ах, ты! – Злобно вскипел Глань, готовый снова поднять руку.

– Остынь, говорю. – Снова остановил его Воевода. – Стало быть, ты подтверждаешь, что ты из града?

– А чего не подтвердить? Подтверждаю.

– Ага! – Обрадовался Воевода. – Поведай тогда, что за народ в граде живет?

– Так, известно дело, разный народ, – всех и не упомнишь. Молодые, старые. Ходкие и хромые. Мастера и безрукие. Сам понимаешь, бог-от всякого добра от всей души насеял.

– Нет, он от меня получит. – Рванулся к старику Глань, но споткнулся о камешек и снова рухнул на галечник.

А старик и вдругорядь не пошевелился, хотя и не мог не видеть выпад сотника.

– Шустрый малый. Аки молодой козлик. – Покачал он головой, – Рожки только молочные. Рази у вас не так?

– А кто градом правит?

– Известно дело, обчество. Вече, называется.

– А император у вас есть?

– Император? – Как бы задумался старик. – Нет, этого безобразия, кажись, нет. Да и не велика наша империя-то. О конь можно за пару дней из конца в конец проскакать.

– За пару дней? – Не поверил Члун. – Где же она, ваша империя?

– Ясно дело, как есть, напротив вас стоит.

– Что против нас стоит? Войско? – Вскинулся теперь другой сотник, Заремом кличут.

– Зачем, войско? – Неподдельно удивился старик. – Рази нельзя мир держать?

– Ну, мир держать можно. – Поразился простой мысли Воевода. – Но вы же пришли на наши земли. Стало быть – Он невольно замялся, формируя свою мысль.

А старик его опередил:

– Если о подати речь, то мы понятливые. Сколь можем, дадим.

– И сколь вы можете? – Не успокаивался Глань.

– Так, ить, год на год не приходится. Ныне урожай неплохой уродился, а в следующий вдруг да недород случится. – Не оглядываясь на него, ответил старик. – И это не мне решать. Я – что? говорун, да и только. Волхвовать по-стоящему и то разучился.

– Что делать? – Снова подался вперед Глань.

– Волхвовать, стало быть. Не ведомо что ль? – Удивился старик. – Ранче справнее волхвовал, а тепере что говорить? Говорю, дыра в памяти.

– Ишь, разговорился! – Начал оглядываться Глань, ища глазами поддержку себе. – Ты зубы-то не заговаривай.

– И тут твоя правда. – Согласился старик. – Ранче с зубами ко мне толпами шли. А тепере не ходют.

– Да что же это такое? – Не удержался Глань, – характер-то от отца достался. – Толком отвечай.

Привычки часто от отцов достаются. Члун – не исключение. Отец, пока в детство-то не впал, учивал, не показывать на людях свою растерянность и незнание. Именно поэтому Члун чаще молча обретается в стороне, пока другие ведут беседу. Чаще это делал Воевода – человек рассудительный и терпеливый, – не то, что Глань, либо отец его Новар. Отцу вообще поперек слова не скажи, – сразу к мечу лапищу тянет, либо лапищу – в кулак, – и конец всем разговорам.

– Ну, вот что. – Решил Император. – Воевода и я тут останемся, а остальные могут в тенечке отдохнуть.

– Нет, пусть он сначала скажет, что такое – волхвовать. – Заупрямился Глань.

– Неуж-то не ведаете этого? – Искренне подивился старик. – Скучно, получается, вы, тогда, живете, не разумно. Кто же вам болячки лечит, грусть-тоску выпроваживает, али погоду поправляет?

– Так ты – маг, что ли? – Догадался Воевода.

– Не, до мага мне далеко. Волхвовать только и могу. Да и то через пень-колоду. А иначе эта оказия не случилась бы. О-хо-хо, дела наши грешные. – Тяжко вздохнул старик. – Стало быть, подать вас интересовае?

– Ну, да! – Подтвердил Воевода. – Битый час об этом толкуем. Сколько дать обещаете?

– Вот ить неразумные. – Старик, наконец, слез с камня. – Говорю вам, не я это решаю, а обчество. Решило оно, положим, десятину граду поставлять, – так возы справно приходят. Или, скажем, решили, что обветшало у града оружие, так мастеровые денно-ночно будут то оружие справлять, пока понови дружина сильной не станет.

Воевода коротко усмехнулся: не случайно старик про оружие проговорился.

– И мы оружие может заказать?

– Опять – сто одно. – Старик, видимо, хотел, было, бросить шапку, что держал в руке, но передумал.

– Велика ли у вас дружина? – Как бы попусту спросил Члун, но старика не проведешь:

– Так это, как мерить? Какова сеча предвидится, такова и дружина.

– Хитер бродяга! – Громко восхитился Воевода, но и старик за словом не в карман полез:

– Так ить простаку только в гулянке ловко живется, а жисть – она с боку на бок крутит, переворачивает. Ты, вон, тоже не прост. Воевода, никак?

– Так и есть. А ты кто таков?

– Так ить бродяга и есть. Милеем меня кличут, коли совета просят, а так, вообще, без имени обхожусь. А вы, стало быть, знатные люди?

– Тебе ж сотник сказал, что Император пред тобой. – Напомнил Воевода.

– Не расслышал, видать. – Деланно засокрушался Милей. – Больно речь у сотника твоего резкая, – уши закладывает.

И он принялся внимательно разглядывать Члуна:

– Не императорская одежонка-то.

– Купальная. – Терпеливо пояснил Воевода.

– Купальная? Купаться нагишом надо. Вода тело ласкать любит, а тело – воду.

– Женщины тут. – Смутился Воевода.

– Женщины? – Закрутился ужом старик. – Где?

– На пляже.

– А! – Тут же успокоился Милей. – Тогда, оно, конечно. У нас-то оно иначе. У кустиках в заводях купамся. Девки-то за нами не подглядывают, поди, а уж мы за ними – за уши не оттащишь. Оно, конечно, если девки увидят такое, то в крапиве непременно вывалят, – семь ден чесаться будешь. А пройдут волдыри – изнови за свое берешься.

– По деревням-то у нас то же самое. – Добродушно пробубнил Воевода. – А здесь-то Императорская свита, сам понимаешь.

– Как не понять? – Усмехнулся старик. – Императора-то как кличут?

– Члун-Икосаэдр.

– Как? – На лице старика отразился такой неподдельный испуг, что и Воевода опешил. – Члуник?

– Не Члуник, а Члун-Икосаэдр. – Назидательно осадил его Воевода. – Понял?

– Это понять можно. Только из песни слова не выкинешь. Леталка-то ваша жива еще?

– Какая леталка? А, рейдер? Разбили рейдер в минувшую кампанию. – И Воевода подозрительно посмотрел на старика.

А старик вдруг прямо на глазах стал как бы невменяемым:

– Стало быть, сошлось время. «На некошених берегах, там, где волны ленивы и беспечны, там, где Члун-Император потеряет свое сердце, сойдутся рати непримиримые на смертный бой. И будет длиться бой о семь ден, и вырубят вои друг дружку всех, до единого...». Спешить, однако, надо.

И старик, бросив наземь шапку, пошел к воде.

– Стой, старик! – Заступил ему путь Глань. – Что ты тут бормотал непотребное?

– Что бормотал, говоришь? – Словно прозрел старик. – Ты первой жертвой будешь, сотник. Нет, второй. Члуник станет первой и задней. – И старик начал обходить препятствие.

– Стой, говорю! – Схватил его за плечо взбешенный сотник. – Боюсь, ты станешь первой жертвой. – И он недобро осклабился.

– Не. – Не согласился упрямый старик. – Мне еще Лучника сыскать надоть.

– Какого еще Лучника? – Словно очнулся Воевода. – Члуника?

– Не-а! Как есть Лучника. Не найду, – не миновать беды. – И плечо старика легко выскользнуло из цепкой руки сотника.

Конечно, это было наваждением. Так не бывает. Сотник недоверчиво посмотрел на свою руку. Нет, его рука только что сжимала живую плоть.

Сжимала. А старик пошел по воде, аки посуху.

Глань рванулся, было, следом, но с головой ушел под воду. И, пока он выбирался на берег, старик ушел довольно далеко. И Глань еле-еле расслышал:

– Бойтесь чужака теперича. Не позволяйте ему заговорить себя. Не позволяйте. Даст бог – не выполнится предначертание.

Глава вторая

ЧЛУН-ИКОСАЭДР. УЩЕРБНАЯ ГРАНЬ

1

Старик так по воде и ушел, не только не ответив на насущные вопросы, но и поставив новые. Даже умудренный опытом Воевода задумчиво трепал свою густую, черную, как смоль, бороду.

В общем, было, о чем задуматься. И только Глань озлобленно ругался после неудачного «купания», да и он затих, едва разглядев в воде плавники чудных рыб.

– Что скажешь, Воевода? – Спросил Члун, первым нарушив долгое, тягостное молчание.

– Так сразу и не скажешь. – Не перестал трепать бедную бороду Воевода. – Чудно все это, но и не верить не можно. Эх, знать бы, о каком предназначении он сказал.

– Ха, предназначение. – Вмешался в разговор нетерпеливый Глань. – Не верю я ни в какие предназначения. Это он нарочно вас напугал, чтобы подать не требовали.

– Охолонь, сотник. – Нервно скрипнул зубами Воевода. Сотника он не любил, но был вынужден терпеть этого еще неоперившегося выскочку. Вынужден, но указать на место не преминул. – Зелен еще – в государевы дела вмешиваться. Есть ли, нет ли предсказания, все одно, настоroje надо быть. Знает этот старик что-то такое, что нам неведомо.

– Знает, как мозги запудрить. И только. А вы уши развесили.

– Ага. – Недобро усмехнулся Воевода. – И глаза закрыли. Видел я, как он дважды тебя носом в берег ткнул, аки нашкодившего щенка. – Воевода нарочито подбирал обидные слова.

– Это я... споткнулся – При этих словах Глань смертельно побледнел.

– Ну, да, споткнулся... о чужой палец. – Воевода, видимо, решил окончательно добить сотника. – А в воду-то зачем полез? Рыбу решил половить?

Воевода слыхивал о злопамятстве Новарова отпрыска, но отказать себе в удовольствии не мог.

– То-то и оно. Старик-от по воде ушел, аки посуху, а ты едва на корм рыбам не пошел. Впрочем, мог бы и не вылезать, – ты же второй жертвой назначен.

– У-У-У! – Заскрежетал зубами Глань. – Все равно, не верю я ни в какие предсказания. – И быстрым шагом, не оглядываясь, пошел в сторону пляжа.

– А ты поберегся бы его, Воевода. – Вполголоса проговорил Император, провожая глазами сотника. – В отца пошел сотник. Та еще семейка.

– Знаю. – Угрюмо ответил Воевода. – Знаю и то, что кое-кто породниться с ними хочет.

– Не я хочу. Дума.

– Дума под Новаром ходит. А ты противников его к себе не приближаешь, – не ослабляешь Новара. Скоро каждый шаг твой будут предписывать. – Воевода, похоже, решился полностью выговориться.

– Согласен я. А ты подскажи, как это сделать.

– Это можно. Не только подскажу, но и подсоблю, сколько могу. А не то, смурно что-то становится.

– Совсем ты меня запугал, Аромей. – Члун редко называл Воеводу по имени: «Воевода» звучало более уважительно и вес обоим придавало. Но сейчас другое дело, когда не вес нужен, а доверие.

– Себя не меньше. Никак не идет у меня из головы этот старик.

– А, может, прав был сотник, когда говорил, что запугивает? – Спросил Члун, но уже сам и опровергал свои слова. – Чего ж он так быстро убежал? Лучника какого-то звать хочет.

– Это и меня помutilo. Ты уж извини, коли не так скажу. Тебя он упорно Члуником именовал. Так? – И, не дожидаясь подтверждения, продолжил. – А, ежели буквы переставить, получается Лучник. Но, с какой стороны к этой загадке подъехать, ума не приложу.

– Он же не меня искать пошел. – Добавил сомнения Члун.

– Это так. И не так. Все одно, вы чем-то связаны. – И, снова потрепав бороду, добавил. – Если не ошибается он. Что же он такое знает, чего не знаем мы? И про рейдер как-то витиевато он спросил, словно, потеряв этот злосчастный рейдер, мы впустили в наш мир кого-то.

– Их и впустили. – Сказал и сам удивился своему открытию Члун.

– Оно, конечно. Но и еще кого-то, кого испугался старик.

– Ан и верно. – Согласился Члун. – Бойтесь чужака, говорил. Только как узнаешь, чужак он, или нет, коли на лице не писано.

– Старика надо снова найти. – Решительно сказал Воевода, на что Члун возразил:

– Так, он же ушел Лучника искать.

– Но не тотчас же ушел. Думаю, в граде он еще.

– Пусть и в граде, но как попасть в него? – Члун пристально поглядел на остров.

А воевода только развел руками.

2

Разумеется, не царское это дело – старца разыскивать, тем более, не императорское. Да, еще с Воеводой вместе.

Но не выслушал Император доводов веских, – град-от загадочный прямо пред глазами, – рукой подать. Столько времени в других землях отсутствовали, – и то ничего.

Но почему так всполошилась свита? Не вдвоем же плывут, а с дружинниками. Да и драккар справен вполне.

Может быть, потому, что свиту не взяли? А что? Любят они по озеру кататься. Не впервой. Но сейчас не до развлечений.

Им еще долго махала платочками с берега надувшие губки «свита». А «благоверная» не вышла ни проводить, ни сопроводить. Да, и что тут провожать-то. Авось, вечером снова потешимся, – Подумал Члун – и больше на берег не оглядывался.

Первыми почувствовали неладное гребцы. Они-то все время видели, как быстро удаляется берег. Народ бывалый. С таким-то ходом драккар давно был должен не только ткнуться носом в остров, но уже и обратно вернуться. Кое-кто не выдержали, – и начали оглядываться вперед. А это только добавило тревоги. Плавни давным-давно закончились, и пошла открытая вода, а острова не было видно. Сбиться с курса они не могли, – не впервой, и шли по надежным ориентирам.

Но, поскольку Император и Воевода были заняты серьезной беседой, не решились отвлекать их опаской своей.

А острова все не было и не было. Зато, озеро вдруг начало быстро заволакивать туманом. Это же, считай, в середдень?

И родной берег сильно потускнел, – так, скоро и ориентиры скроются.

Наконец, рулевой не сдержался:

– Прости, ваше высочество. Неладное, чую.

Воевода опередил Императора. Он стремительно вскочил со своего места и потемнел в лице.

– Куда ты нас завез, весельщик?

– А я знат? По ориентирам идем, все чин по чину. Видны еще ориентиры-то. Сам погляди. Да, ориентиры еще виднелись. В центре створа навигатора тыльная башня левым боком выглядывала из-за набатной. Значит, остров никоим образом не могли миновать.

Воевода с надеждой посмотрел на небо. И разом пропала надежда, – на небе вместо солнца высыпали яркие звезды. Но над столицей же стояло полуденное

Воевода всей спиной ощутил тревожный холодок, какого не испытывал и пред самым грозным врагом.

Солнце пропало теперь вместе со столицей, а оттуда, где должен быть берег, накатывались густые волны не то дыма, не то тумана.

– В обрат плывем? – С робкой надеждой всхлипнул рулевой.

А куда, в обрат, если ориентиров нет.

– По звездам можно плыть. – Робко подсказал первый весельщик.

– По звездам? – Выплыла новая надежда и тут же пропала, уступая место еще не страху, но уже испугу, – небо было чужим. Совсем чужим.

Ровно так же, как и все вокруг. Даже воздух. Даже

– Где мы? – Не мог определиться Воевода, а Члун вспомнил, как настойчиво отговаривала свита от этого путешествия, – и ему стало совсем тоскливо.

Одно к другому. Гребцы уже давно «сушили весла», и ветра не было, но драккар почему-то куда-то неудержимо несло.

Конечно, в озере и раньше наблюдались подводные течения, но настолько слабые, что на них никогда не обращали особого внимания.

Гребцы поначалу тревожно смотрели на темную воду, потом один за другим опустили в воду весла, и все активнее и активнее начали грести против течения. Но драккар неумолимо несло назад.

– Хватит. – Поняв тщетность их действий, сказал Воевода. – Не тратьте силу понапрасну. Не может же это продолжаться вечно. – Но в голосе его не слышалось надежды.

И что удивительно: как только весельщики прекратили грести, уменьшилось, хотя и не прекратилось совсем, и само течение.

Кто знает, насколько был прав Воевода, но прошло не так и много времени, когда то тут, то там начали призраками выплывать из тумана деревца с острыми листьями, растущие прямо из воды.

Все, кто находились в драккаре, постоянно озирались, но, что они могли сделать в случае нападения. Конечно, на драккаре в потаенных местах имелись в нужном количестве и мечи, и самострелы, – стража, как-никак, а вот пушек не было ни одной, что сильно сужало шансы обороны.

Густота деревьев по мере продвижения возрастала, что обещало как бы берег, но берег не просматривался, – и у команды возникли опасения, что недалек тот час, когда судно вдруг да застрянет среди деревьев, обрекая команду на мученическую смерть, поскольку никакого намека на твердую землю никто не видел. Да и как его увидишь, если туман становился все гуще и гуще, и только небо почему-то становилось все четче. Чужое небо, и оно не предвещало ничего хорошего.

3

Нет, наверное, богам не важно, какое небо над головой, да и туман не может помешать услышать шепот молитв. Весельщики – народ издревле суеверный, они, знал Воевода, еще и богов каких-то придумали, в которых больше никто не верил. Впрочем, мало, кто приобщился и к общей вере, усердно насаждаемой в последнее время. И, так или иначе, но боги их

все-таки не покинули. Деревья в воде, поди ж ты, сначала разредились, а потом перед драккаром открылась чистая водная гладь. Течение, конечно, не прекратилось, но при желании гребцы могли бы управиться против него. Да и туман все чаще разрывало порывом какого-нибудь ветерка, – и это уже внушало надежду.

В заросли, с обеих сторон окаймляющие протоку, вглядывались все, но Воевода первым увидел твердь земную. Конечно, драккар долго не мог приблизиться к берегу. Точнее, просто не мог, потому-то другого выхода, кроме как рискнуть выбраться на берег вплавь Среди весельщиков имелись два неплохих пловца, но, если в озере плавают кровожадные чудовища, то здесь-то им самое место.

Делать нечего. Пришлось Воеводе самому отправляться в лазуту. Гребцы опускали глаза долу, и начали отговаривать его, но все повертывалось так, что – надо Драккар как раз несло мимо широкой прогалины в частоколе дерев. И, хотя у драккара и глубокая осадка, но весельщики сумели довести его настолько, что и проплыть-то оставалось – так, ростов человеческих двадцать, от силы.

Рассчитал-то Аромей правильно, но не учел одного: когда выбрался он на берег, своего драккара не увидел, – непонятно откуда наплыл такой густой туман, что и сапоги еле-еле видно. Налетел, и улетать не метил. Конечно, поначалу поперекликались – поаукались, но голоса товарищей по несчастью почему-то начали медленно удаляться, а потом и вовсе угасли.

Снести течением их не могло, – слабо течение-то, да и, пока поперекликались, драккар как бы оставался на месте. Что же такое могло с ними случиться, что перестал их слышать.

Аромей и в младости-то был не из робкого десятка, а, когда стал Воеводой, то о робости и речи быть не могло. Рассудительным стал – это – да, – так ить не может быть Воевода безрассудным. В ратном-то деле без головы никак нельзя, – не только за свою, а за многие головы – в ответе. А здесь озноб по спине шустро прошелся, – загулял от загривка до седалища, как хотел. Загулял и примешал к этому досаду, что, получается, бросил товарищей на распыл судьбы, ни дать ни взять – бросил.

А и в обрат не поплывешь, – где искать драккар, неведомо. Но еще неведомей, куда податься?

Воевода очень долго вслушивался в мертвую тишину, не послышится ли плеск воды под веслами, либо крик.

Не слышались! Зато, Чу! – уловило сторожкое ухо как бы колокольный звон, тут же заблудившийся в шаловливых кронах. Почудилось, никак. Да, и как не почудиться в такой-то передрыге, тут все, что угодно, почудится.

Однако нет, не почудилось. Далекий колокольный звон повторился, потом вдругорядь, и еще раз, но уже в набатном призыве.

Не свои колокола, – свои-то сердце вупередь как бы слышит. Чужой набат. Ну, не чужой, возможно, но не свой.

Заныло, затосковало сердце Воеводы, беду услышало. Разум молчал, а ноги сами понесли на звон набатный.

На звон ли? Стих набат, оборвался на полуслове, горестно оборвался. Оборвался как раз перед тем, как распахнулись пред Аромеем просторы широкие. Давненько не видывал Аромей подобного великолепия. Да и как видеть, если уступил подобные земли еще прежний Император, и ограничилась империя равнинными землями. Захолонуло сердце Воеводы, поскольку оказался он на вершине горы, либо на окраине ямины огромной, поросшей, насколько глаз объемлет, лесами первозданными: из тех дерев, знать, под какое и вывели спешные ноги. Горы не высокой, но распахнулось сердце от восторга забытого. Кругом, насколько хватало глазу, лес белоствольный чередовался коричневым. И не было ему конца-краю.

Совсем расстроился Воевода. Бежал-то он, надеясь увидеть какое-нибудь селение, и увидел бы, окажись оно тут. Но ни домов, ни дорог, ни дымов, ни шума. Первозданен это мир, не тронут рукой человека. А то, что колокольный звон услышал – что хотел, то и услышал.

Воевода тяжело опустился на землю. Не тяжесть прожитых лет клонила его голову к земле, – хоть и не коротка его жизнь, и всякого хватало: и плохого, и хорошего. Детей вот хороших народил и вырастил, жена – красавица, а то, что дома не частый гость – знамо дело, его вина, но жена ведь никогда не жалилась. Да и человек он – служивый.

Так что закончить здесь свой век он не пугался, хоть и плакало и ныло сердце либо от незримой тоски, либо от чего-то неведомого. Что-то было не так, совсем не так? Это понятно, что мир другой, и понятно, что потерял он товарищей, но сойдет туман, – и товарищи, даст бог, найдутся. Вот, оно как? О боге вспомнил! А прежде-то не слишком и привечал новую веру. «Приютил» ее еще Члун-Доде, дабы утишить опасные шатания в империи, уже перерастающие в бунты. Утишить-то – утишил, но вскоре церковь и ему указывать начала.

И только сейчас Воеводе стало понятно, почему Члун-Доде на магов войной пошел. Мешали они вере, сильно мешали. И вера мореходов мешала. Но тут сам Доде весельщиков защитил, и на то и сыну своему наказ дал.

Сейчас на драккаре молят молчаливо, знать, водных богов о защите. Одно им остается. Аромей снова оглянулся назад, и только теперь дошло до него, что мир снова изменился. Там, на воде, была ночь, а здесь – день в самом разгаре. А и пробежал-то он, от силы, тысячу скорых шагов, не более. Не великое на это нужно время. Дошло до сознания и то, что он больше никогда не вернется в свой мир. А товарищи по несчастью? Как там вещал старик? Глань второй жертвой будет, а Император – первой и последней? Последней – это неплохо, – все когда-нибудь там будем, но не сказал старик, где и как? И когда первой будет, тоже не сказал.

День был в самом разгаре. Светило, совсем не осеннее еще, прожигало даже сквозь густую крону, – и Аромей невольно задремал. А сон тревожен был. Так тревожен, что крутился и стонал Воевода, а, когда схлынуло марево дремотное, понял, что еще и уполз далеко. Но след остался, – и не пришлось долго искать оставленный меч.

Аромей попытался вспомнить отрывки сна, ибо были так не только понятные заботы, но и нечто, что уже не вернет ни равновесие духа, ни уверенность в завтрашнем дне.

С тем, куда идти, Аромей определился легко. Куда сносило драккар, – туда и путь надо держать. Как ни загадочен этот мир, но ведь не может же он существовать вопреки логике бытия. И, хоть и подсказывал разум, что логика здесь рушилась на каждом шагу, но сердце-то билось сообразно привычному порядку.

И он, решительно откинув мешающие сомнения, шагнул вперед. Шлось легко, – и по ходу движения приутихла боль в сердце.

Тропы как таковой не было, но лес был чистым, как по линейке оканчивающимся на краю обрыва. И вся возвышенность заросла деревьями иного вида, нежели то, под которым он начал свой отдых. Желто-коричневые стройные стволы тянулись очень высоко в бездонное небо. Слабо всколыхнулось желание влезть на самое высокое, – и с его высоты

Вот оно! Аромей вспомнил, что снова слышал сквозь дремоту набатный звон, и не во сне, а именно сквозь дремоту. Он и полз-то как раз туда, откуда и шел этот звон. А куда он полз?

Аромей нерешительно остановился. Получается, что и идет он в этом же направлении.

Он снова посмотрел наверх. Нет, влезть на дерево не получится, но зато Зато, он увидел двух высоко кружащихся птиц. Стало быть, не мертвый сей мир, и это дает слабую надежду, что и колокола – не продукт больного воображения.

А еще... где-то звенел робкий колокольчик. Аромей, разумеется, не поверил и зажал уши.

Ну, разумеется – не всегда бывает истиной. А истинным было то, что колокольчик не пропал. Как только слух восстановился, от серебряного звона сердце едва не взорвалось.

Наверное, это было началом помешательства, но Воевода побежал. И... чуть, было, не свалился в глубокую расщелину, откуда выбивался... звонкий родник.

А по обе стороны от расщелины обильно краснели ягоды. Горьковатые, но приятные на вкус.

Разом накотившийся голод он, конечно, не утолил, но все-таки эта кратковременная остановка вернула былое спокойствие и рассудительность, чем всегда и славился Воевода.

Многие, особенно, женщины, порой считали Аромея скучным. И он никогда не обижался на это. Возможно, он и скучен, но он всегда твердо стоял на ногах, а, если и выпадало что-то необъяснимое, но имеющее осязаемые формы, то легко принимал это на веру. Принимал – и все тут.

Его не расстроило, что вместо колокольчика обнаружился родник. Жаль, что нет посуды, чтобы запастись водой, но, если в этом мире столько зелени, то и родники еще повстречаются на пути. И ягод – даст судьба – встретится немало. Конечно, ягоды не утолят голод надолго, но надо надеяться, что и идти не придется далеко. Главное, не пройти мимо тех колоколен. А еще... надо искать дороги, тропки, – все, что, так, или иначе, укажет на присутствие человека.

Следы деятельности людей он обнаружил через день. Правда, не так, как ожидал.

Таинственное свечение в глубине леса он поначалу принял за очередное помешательство, или, по меньшей мере, видение. Нет, сегодня он не побежал, наоборот – пошел туда настороженно, настойчиво гася проблески надежды. И меч наготове держал.

И, как бы ни был готов ко всему, но глаза, что выплыли из-за причудливо перевитого куста, заставили неприятно вздрогнуть и схватиться за меч.

Нет, он тотчас же и осознал, что это – мертвые глаза... на деревянном лице деревянной фигуры. А за этой фигурой пряталась еще одна. И еще ..., еще ..., еще Всего на небольшом участке он насчитал более двух десятков фигур. Некоторые уже истлели от времени, некоторые покосились, но многим время не повредило.

Воевода как зачарованный ходил между них, пытаясь понять их назначение. Это было сложно, поскольку мир Аромея не делал ничего подобного. Аромей понимал, что это не просто куклы, да и трудно найти детей, которые согласились бы играть этими свирепого вида созданиями. А еще... повсюду валялись кости животных и... людей.

Сначала он почувствовал невольное отвращение при виде кучи человеческих черепов, – естественное, впрочем, чувство, – а потом

Его неумолимо погнало прочь, но не отвращение, нет, его погнало... само место. Аромею на миг показалось даже, как недобро сверкнули глаза многих фигур. Еще один озноб прошелся по спине, – и Воевода подчинился этому изгнанию.

Уже выбираясь из «чаши» с фигурами, Аромей обратил внимание, что многие фигуры как бы опалены огнем. И на деревьях вокруг чаши можно обнаружить следы давнего пожара.

Аромей отошел довольно далеко от того чудного места. И вдруг снова зануло сердце, но уже от непреодолимого желания вернуться туда.

И вернулся ведь. Но уже без меча и, поборов естественное отвращение. Нового для себя он ничего не открыл, хотя и долго ходил среди кукол. Поначалу смущало обилие человеческих костей, но вспомнилось, что знал народец, у коего люди, заканчивавшие свой жизненный путь, уходили в пещеры, дабы не отягощать своей немощностью селян, остающихся жить. Более того, все это показалось ему таким же естественным, как и его первая реакция.

И он вернулся... вперед уже другим человеком.

Аромей с трудом нашел место последней стоянки. А еще больших усилий стоило найти меч, – он уже едва просматривался из-под хвои, нанесенной хозяйственными мурашами.

Наконец, ему повезло. Он старательно вытирал меч травой, когда боковым зрением заметил слева быстрое движение. Время потеряло меру, – и ему оставалось только одно. Рука и меч слились воедино, в одном рывке навстречу движению.

Что ж, кажется, закончилось голодное существование. Довольно крупный зверек еще бился в предсмертных судорогах, – и Аромей коротким тычком меча прекратил его мучения.

Правда, после сытной трапезы пришлось всю ночь мучиться от жажды, но утром и эти мучения были вознаграждены.

Если день не задался с утра, то не жди от него ничего хорошего. Нет, этот-то день как бы задался, но

И прошел-то Воевода совсем немного. И вдруг он едва сумел успокоить свое сердце.

Это был не просто родник: вода стекала в... чашу, сооруженную из коротких аккуратных обрубков дерева. А рядом стоял ковш, сплетенный из коры белоствольного дерева. Люди! Надо полагать, такие сооружения не делают, где попало

Ковш облюбовали все те же мураши, – и Аромею пришлось пить прямо из чаши. Вода сводила зубы, но была так вкусна, что Аромей прикладывался к чаше бесчисленное количество раз и не мог напиться.

Наконец, он решил: «Все. Последний раз».

Ему снова невероятно повезло. Он мог бы в цветастом отражении листвы этого и не заметить: рука в узорном рукаве заносила над его головой кривую саблю. А, и заметив, Нет, тело привычно опередило сознание. И это спасло жизнь.

Позднее он попытался осмыслить, как все получилось, – и не мог. Ни в падении уйти из-под удара, ни успеть ухватить меч, ни, тем более, нанести ответный скользящий удар – этого сделать он тоже, при всем желании, не мог бы. И все же

Вскочить на ноги он тоже не успел бы. И снова все же...

Рядом никого не было, но на дне чаши лежала кривая сабля, и медленно растворялись в воде капли крови.

Дрожь в теле Аромей еще долго успокаивал, прислонившись спиной к толстому дереву. Мог ли он в сидячем положении отразить возможный удар? Вряд ли? Но он сидел, несколько судорожно сжимая рукоять меча, и пытаясь найти объяснение случившемуся. Объяснение находилось только одно: ничего этого не было.

Он несколько запоздало осмотрел свой меч: капли крови уже скручивались в красно-черные шарики и... исчезали.

Вот тебе и объяснение!

Ноги сразу же стали ватными. Еще бы. Знал он и весельщиков, и магов, но ничего подобного ни от кого не слыхивал, а, если кто что и рассказывал, то это, скорее всего, чтобы поугагать впечатлительных слушателей. Как правило, почти все, что делали маги, чаще всего, находило спасительное объяснение. А, если не находило, то... за это маги и страдали. А где здесь маги? Случайно, или нет, но Аромею сразу же вспомнилось ужасное обиталище кукол. И кости, разбросанные по земле, вспомнились. Много вспомнилось. И многому объяснений уже не находилось.

А должно было. Не привык Воевода к иному. Потому как ратная служба всегда ясности требовала, а иначе – и не Воевода ты. Оттого и к вере новой не слишком приохотился. Слишком уж мудреной она была: привычным вроде бы вещам находили, как они всегда говорили, божественное начало, – и вещи становились малопонятными. Сейчас, может быть, это многое и объяснило бы, но поздно об этом горевать.

А у родника никто больше не появился. И появлялся ли? Знать утомился Аромей от напасти этой. Не о том надо думать, а как людей своих отыскать, Императора своего.

Аромей, наконец, отделился от дерева и с привычным хрустом размял косточки. Не ослаб, однако. И это почти вернуло ему уверенность. Ну, пусть не уверенность, – когда еще она вернется? – но он готов был... жить, скажем так. А это совсем не мало.

И, не давая себе даже малой поблажки, устремился Аромей вперед, словно дружину за собой повел. И только, когда солнце на лес опустилось, остановился и начал ко сну готовиться. Третья ночь в этом мире.

Он не захотел ни есть, ни пить и провалился в сон сразу же, едва расположился на ровном месте, в окружении густых и достаточно высоких кустов. Сон был тяжелым, и Аромей неосознанно попытался освободиться от него, но не тут-то было: излишне реальный, явный до мельчайших подробностей и одновременно неправдоподобный, именно из-за этих подробностей и не менее неправдоподобного совпадения, сон одолел его и не выпускал до самого рассвета.

Это утро снова оказалось дождливым и холодным. Противная морось до мозга костей достала Еремея. Сейчас бы сидеть дома за кружкой медовухи, либо сыта, но князь повелел порушить капище, верой и правдой служившее обществу, во имя нового бога. Повелел вчера вечером, но многие узнали об Указе только утром, когда уже начала собираться княжеская дружина.

Еремей знал, что многие в городе и округе не приняли новую веру, даже при том, что достраивались в граде новые храмы. Да, и как принять, если на смену многочисленным богам, с коими люд испокон веков жил в ладу и мире, коих и боялись, и любили, от суровой любви коих и плакали, и ждали защиты, пришел рисованный бог. Суровы были свои боги, и требовали немалых жертв, потому и существуют повсеместно капища. Новая же вера понуждает старую веру искоренить, а вместо капищ построить храмы. Но будет ли новый бог любить людей так же, как Перун. Или, скажем, Ярило.

Да и как он сможет один углядеть за всем этим сложным хозяйством, складываемым веками?

Видел Еремей, что готова к отъезду Главная Дружина, – и места себе не находил. Да и где его найти, когда понимаешь, что не успевают уже волхвы спрятать божков и идолов в чаще лесной, либо до поры до времени в землю зарыть?

И хоть не давал Ерема призывного клича, но Малая Дружина собралась в полном составе.

– Не хотим! – Выкрикнул чей-то молодой голос, – и Дружина нестройно подхватила:

– Не хотим. Веди нас, воевода.

Еремей растерянно стянул с головы шишак, растерянно посмотрел на братьев по оружию, затем соскочил с коня и припал к земле на одно колено.

– Некуда мне вести вас, дружинники. Там, за рекой, враг лютый стоит. Он только и дожидается, когда мы в распре сойдемся. Один я поеду. Сон такой мне ночью приснился.

– А нам-то что делать, Еремей Иванович?

– Тут не указ я вам, дружинники. Только, помните, что жены и дети у вас. Их вы охранять должны.

– Так, бог-то тот рисованный больно уж непонятен. – И следом многоголосье: «Можно ли ему верить, Еремей Иванович? Силой ведь загоняют».

– Бог-то не причем здесь, дружинники. Не его вина, что всех под один гребень стригут, одним аршином мерят.

– Я в лес пойду. Пусть тогда попробуют меня окрестить силком. – С размаху бросил шапку оземь, судя по всему, ветеран, но Еремей не помнил его имени. Или Чуприна, кажется?

Однако, не было на разговоры времени, да, похоже, и наговорились уже.

Еремей поспешно заскочил к Бирюку, и, уже выходя, увидел, как растекаются во все стороны его вои.

Дружина княжеская наехала на капище с факелами. Сумеречно еще было, но не для свету факелы-то. Еремей видел, как нервно шарахаются во все стороны кони, как вои прячут взгляды за высокими воротниками да, в землю уставившись.

А не смог ведь князь полностью отлучить их от старой веры!

Дружина княжеская на конь была, оттого и не успели волхвы, совсем не успели. Да, и что значит брненное тело супротив оружия? Потемнел лицом Ерема, поскольку остается только одно: ему погибнуть вместе с идолами, ибо приказал князь непокорных рубить, идолов сжечь. Приказал, и первым двинулся к лику Перуна.

Еремей сдернул покрывало с камня. Он не был уверен, что камень сможет защитить, если даже боги бессильны, но таков был сон, а сны в купалову ночь, говорят волхвы, вещие.

Ерема невольно зажмурил глаза: ярко вспыхнуло капище-то, запылало. Но не так, как хотел князь. Вспыхнуло все разом, – и не вытерпеть человеку этого огня.

– Сгорит же лес, княже. И град сгорит. – Слышал Ерема, как застонали, запричитали дружинники.

– Все не сгорит. – Ответствовал князь, поводя окрест пустым взглядом. – Болота кругом. Вода огню хода не даст.

– Эх, княже. – Больно заныло сердце Еремы. – Мосты жжешь.

Водилось за князем такое, если хотел удержать дружину на месте.

Но сегодня он не смог ее удержать – дым, огонь и чад погнали их прочь, до самого града. А там уже, почитай, все горожане взбунтовались, не пустили дружину в город.

От того ли он проснулся, лучи ли солнца рассветного разбудили, но вскочил он на ноги, а душа во сне оставалась. Не мешало бы водицы испить и умыться.

Родника он не нашел, зато неподалеку озеро оказалось.

Аромей наклонился к воде – и отпрянул: он и Еремей из сна – одно лицо.

Воевода недоверчиво встряхнул головой и снова посмотрел на свое отражение в воде. Так и есть – одно лицо. И имена похожи. Княжеского имени он не услышал, но не признать в князе Императора Члуна не мог. Или так уж себя настроил?

У снов, как говорится, свой резон, но этот сон не выходил из головы весь день. Ни есть не хотелось, ни пить, и ягоды не доставляли сладости.

Только к вечеру пришла первая догадка. Его товарищи по несчастью и есть дружина. А как иначе? Местные маги, видать, решили поиграть с ними.

Еще при деде Члуна-Икосаэдра, Члуне-Октаэдре, в Империи сильно «укоротили руки магам», дозволив заниматься магией только восьми Боевым Магам, да и то, только в боевых целях. Разумеется, Аромей этого не застал, но не велик этот секрет. Конечно, далеко не все согласились с этим, отношения обострились, – и уже Доде в самом начале своего правления предъявил Магам ультиматум. Маги в ответ на него отказались признавать Империю, и объявили Пригорье своей территорией. Доде не замедлил объявить им войну, – и... проиграл. Проиграл даже при том, что и Степь к тому времени начала гонение на магов. Более того, у злых языков нашелся повод утверждать, что это не без помощи магов Доде и «впал в детство».

Воевода тревожно оглянулся назад. Надо было, конечно, разбираться там, на месте, – но не возвращаться же назад. Хотя почему не возвращаться, – град-то где-то рядом с капищем должен быть. Далек ушел, однако.

Но и это – не факт. Там Аромей пребывал как бы в огромном пузыре, – точно, именно в пузыре, и одежда у него была иная, и оружия не было, и у князя от Члуна было только лицо, а значит А значит, не они там были.

Потом пришла первая здравая мысль. Мест, которые «водят», и в его мире имелось немало. Воевода усмехнулся: «В его мире», – и неожиданно спокойно воспринял эту мысль. Если то место выгнало его из той чаши, то оно и сыграло с ним эту шутку.

Шутку ли? Было, было пожарище на том месте ..., но Воевода не довел эту мысль до логического завершения, – не умел он это делать. Это же не военная стратегия, или тактика. Но это же принесло ему нужное успокоение, и желудок отреагировал на это довольным бурчанием.

Еще одна ночь, а за ней и день прошли без излишних хлопот. Неосторожных зверьков больше не встретилось, но, зато, удалось поймать в силки большую и красивую птицу. Жаль было лишать красоту жизни, но не в его положении было думать об этом.

К наступлению новой ночи произошли изменения. Возвышенность закончилась, – и намеченная тропа круто катилась вниз, сначала к невеликой речке, где весело играли небольшие рыбки. Воевода невольно залюбовался их игрой, но они тут же разбежались в траву. И причина этому нашлась сразу. Одна рыбка замешкалась, – и стала жертвой большой рыбины.

Воеводе снова повезло. Эта рыбина опять затаилась в ожидании новых жертв за корягой как раз напротив его, – и снова меч подарил ему пропитание.

А за речкой опять потянулся белоствольный лес, легкий, воздушный, но с роями мелких неугомонных хищников, кои и в его мире встречались, но в меньшем количестве.

Травки смалды Аромей не нашел, но нашлась другая, незнакомая с неприятным, почти отвратным, запахом. Дыхание перехватывало, и руки покрылись волдырями после растирания сей травы, но кровопивцы к нему уже не приближались.

А утро открылось тяжелым, непроглядным холодным туманом. Воевода безучастно доел остаток вчерашней рыбы, и тяжело поднялся с поваленного ствола. Одежда намочила и сковывала движения. Не мешало бы обсохнуть, но не было никакого желания бродить по лесу в поисках сушняка. Даже мысль о дальнейших планах была безучастной. Пока шел поверх заросшей лесом трещины, все казалось ясным. А теперь и лес пошел не такой чистый, да и неизвестно стало, каких ориентиров держаться. Речку почему-то он сразу отмел, хотя она-то и могла привести к той протоке.

Наконец, слева заиграло красным заревом солнце, – и стало понятно нужное направление, а туман уже не был помехой. Одежда мало-помалу просохла, – и идти стало легче, только под ноги попадало слишком много мелких хрупких веток, – и Воевода быстро устал, но упорно продолжал идти вперед.

Увы, белоствольный лес быстро закончился. А вместе с ним закончилась и расщелина, точнее, она вместе с речкой круто повернула влево, чтобы в обозримой дали повернуть еще раз, но уже навстречу ходу Аромея.

Аромей осмотрелся, и теперь уже не был уверен в выборе направления. Хоть назад по своему следу возвращайся. А след-то по лесу заворачивал по лесу не то дугой, не то зигзагом, но уже солнце закатилось за тучу, и начал накрапывать дождь.

Воевода неспешно поднялся в гору: и осмотреться требуется, и от дождя укрыться под широкими лапами деревьев. Но еще в начале подъема он ощутил уже знакомое беспокойство, которое росло и росло по мере движения вперед. Поначалу это объяснялось тем, что понял, что сбился с пути. Правда, это могло быть и к лучшему. Осмотреться надо.

Но смысл беспокойства стал ясен, когда впереди показалась невысокая, вросшая в землю избушка, а рядом с нею все те же знакомые деревянные «куклы».

«Куклы» были древние, а... трупы людей рядом с ними свежими: еще не успели почернеть раны, густо облепленные насекомыми, и знакомый запах смерти еще не ощущался. Еще как ощущался! Вот почему ТАМ кости-то были раскиданы. Вот как жертвы-то приносят? Не знал, хотя и слыхивал об этом.

Слишком запоздало Воевода спохватился, что стоит на открытом месте, а туман на вершине уже срывало утрешним ветром. Он бросился вверх и вправо, хотя и понимал, что обратно надо бежать.

Но пока никакой опасности он не чувствовал, хотя уже понимал, что трупы людей лежали так, как будто бы здесь был бой. Короткий и беспощадный. В пределах видимости он насчитал семь трупов. Три в простой, возможно, нижней, одежде – надо полагать хозяева. На остальных были цветастые, выцветшие, конечно, халаты.

Хотя, все может быть совсем наоборот. В посконной одежде, как раз, и могут оказаться «лесные братья», о коих и в его мире ходят слухи один другого страшнее.

Замутило от такого вида живот, – оттого и первым желанием был порыв похоронить людей по-человечески, но он понимал и то, что не остается на это времени. Правильно понимал.

Правильно понимал. Сначала он услышал невнятный говор, а, когда перебрался на другую сторону своего укрытия, то не так уж и далеко он увидел размазанные тени людей. А, когда уж порыв ветра сорвал остатки тумана, то и самих людей в халатах. Но не это дернуло Воеводу на необдуманный поступок. К сухому дереву была привязана женщина ли, девица ли, а у ног ее уже был разложен сушняк для костра.

Аромей и при своей немалой фигуре умел передвигаться не хуже искусных лазутчиков. Так, оно и понятно: ратную службу Аромей с лазуты и начинал. А сейчас и лес к этому располагал.

Лес-то располагал, да, не совсем понятно было, что тут происходит, точнее, совсем непонятно.

Вот, к девушке снова неспешно подошел человешишка, стал ее сабелькой кривой колоть, да выкрикивать отрывистые слова. А девушка, кажется, уже была готова к ужасной и неминуемой смерти. Ничего не ответила она насильнику, и только боль и отчаянье отражались у нее на лице. А те, что схватили ее, не умели, видимо выбивать показания иным путем. Крикнул что-то насильник подельникам своим. Загоготали там похабно, и вышли из леса еще четыре человека с факелом. Дернулась девушка, – и проступила кровь из порезов на ее теле. Это и определило последний отчаянный поступок Воеводы.

Ордынцы высыпали из леса совсем неожиданно. И она-то здесь появилась случайно. Ее разыскивал Милей, она разыскивала его. И попала, как говорится, как кур в ощиц. Может быть, по ее следу и пришли ордынцы.

– На капище он пошел. Идолы поправить, – повалял их неизвестно, кто. – Добродушно ответила жена волхва, радая поговорить с новым человеком. И добавила. – Медведь, поди-ка. За медом приходил, да бортню не нашел, – вот и отомстил.

Не успела Ола и десятка шагов сделать, ничего не успела. Навалились скопом, – и она не смогла толком защититься. Двоих только и успела кинжалом пырнуть. Много их было. Волхв, конечно, пришел на помощь, а потом и сыновья его прибежали. Но много тех было. И, хотя большинство уже не вернутся обратно, но и волхв с сыновьями покинули этот мир. А ей так и не удалось вырваться. Толмача ордынцев убил волхв – и теперь, можно сказать, был

разговор глухого с немым. Понять ордынцев, конечно, можно: град им нужен, и никак иначе. А посему и она пока нужна им живой, но все пошло не так: не сдержалась Ола, – и еще один лазутчик распластался на земле.

Но костер, догадывалась Ола, всего скорее, приготовлен для острастки. Живая она им нужна, хотя ордынцы и торопятся. Спешат, знать, к прибытию хана какого-нибудь с другим толмачом к покорности ее склонить. Открыть тайну лазутчикам Ола не могла даже на костре, а, когда костер запылает Мысли об этом она, как могла, прятала на задворках сознания.

Дауграгинья и Милей признались откровенно, что отправляют их в град, дабы защитить, прежде всего, знание. Непонятным было это знание. Песнь какая-то, но ни Арель, ни Ола, ни разу ее не слыхивали, хотя, утверждала Дауграгинья, пели ее, и не единожды. Не проще ли защитить знание, если не сообщать на каждом углу, что оно есть, это знание? Но кто-то решил иначе, – и время сестер остановилось, словно оно всегда было частью времени этого града. Замороженного времени. Престранного времени. Или даже времени-призрака города-призрака. Но отнюдь не бессмертия. Либо такое оно и есть, бессмертие-то. Люди, в граде живущие, тоже, по сути, призраками были. Да, нет, не призраками. Призраки-то, говорят, бестелесные. А в граде – куклы живые. Свое дело без понуждения делают, справно. Все – справно. Но, вот те на!. Нередко устают от такой жизни, – и тогда уходят куда-то. Нередко уходят, а городское население не убывает, хотя детишек на улицах не видно. Не оттого ли нет и радости на лицах, хотя, не замечала она и печали. Куклы, одним словом.

Ола невольно вздрогнула и оглянулась. Где-то там спрятан этот град, имя которому не меньший призрак. Ола уже привыкла не задавать этот вопрос горожанам, кои так легко уходят от ответа. А, если и ответят, то забудешь ответ прежде, чем разминешься с ответчиком. Милей тоже выкручивается, как может, но тайну не открывает. Впрочем, и появился-то он здесь в начале лета. Показался раз-другой в граде, а все остальное время пропадает в походах по окрестностям. Пока однажды утром не появилось другое солнце. С того момента Милей как бы прописался в граде, но тайны той так и не сказал, поскольку новых загадок стало предостаточно. И все чаще звучало имя Члуника и Врат, кои тот безрассудно открыл.

Вряд ли можно утверждать, что человек может быть готов умереть, тем более, такой мученической смертью, но Ола не научилась останавливать сердце. Кажется, она могла бы уйти, – веревки слабы, а ордынцы поодаль о чем-то лопочут, но боялась, что этого и добиваются лазутчики.

Ей не удалось отгородиться от происходящего шторками век. Ордынец, что, оказывается, мало-мальски мог говорить по-русски, подошел и грубо ткнул острием сабли в бок, а затем прокричал:

– Решай немедленно. Либо ты приведешь нас в нужное место, либо сторишь. Даю тебе еще ровно три по десять ударов

Не успел ордынец договорить, каких ударов. Словно привидение возник из тумана седой безумец с мечом. Ордынец и крикнуть не успел. Ордынец еще медленно оседал на землю, а уже тот безумец – возле других ордынцев, и тусклой молнией заметался над ордынцами двуручный меч. Удивительно недолго метался, а на земле остались лежать пять, либо шесть лазутчиков. Только один и сумел улизнуть в еще не совсем рассеявшийся туман.

И опять Воевода совершил непростительную ошибку. Уходить надо было, а он принялся выяснять то, что не мог выяснить. Чуждыми оказались их языки, разве что два слово и знакомы – Милей да, кажется, Члуник.

Уходить надо было, но из тумана уже слышался говор. Совсем рядом. И вновь приближающиеся лазутчики не слишком-то и таились. Знать, немало их. И бряцание оружия уловило

чуткое ухо Воеводы, и то, что язык их тоже незнаком. Но уже понял старый вояка, что уйти вдвоем они не успеют, и потому он принял единственно верное, на его взгляд, решение.

Девушка поняла его с полуслова, но сделала попытку остаться вместе с ним. И он уже настойчиво подтолкнул ее:

– Уходи! Милею все обскажи.

Она, конечно, не поняла его слов, но поняла его руки, – и успела скрыться в тумане, прежде чем с противоположной стороны показались новые вои в таких же чудных одеждах.

Воевода с некоторым сожалением скинул на землю тяжелую одежду, но так уж получалось, что и не понадобится она более, многовато, однако, теней в тумане. И вновь стодилась лазутова сноровка. Сначала молнию меча враги увидели, а уж потом и меченосца. Либо тень его, – это уж смотря – кто, а короткие кривые сабли – слабоваты против ратного двуручного меча в руках того, кто дикому зверю подобен.

Не выдержали чужаки, – знать, к этому времени не те уже пошли у них вои, – не выдержали и попятились назад.

А потом и совершил Воевода свою глупую, последнюю ошибку. Напрасно он, удовлетворенный результатами сечи, распрямылся и подставил грудь свою врагу. В сей же миг выскользнули из тумана меткие стрелы и впились в незащищенную плоть.

«А Милей сказал, что Члун будет первой жертвой». И погасло восходящее солнце.

4

Без Воеводы на драккаре стало совсем тоскливо, тем более что он, или его голос, слишком торопливо удалялся, словно убежал. А вскоре и вовсе затих.

Можно было бы оставаться на месте, но Воевода, кажется, ушел вперед. И было еще одно основание продолжить движение: ветер, что успел изменить направление, принес туман, от которого у многих тотчас начала кружиться и болеть голова.

– Уходить надо бы, да без воеводы-то и не уйдешь. – Без адресно пробормотал Сонир, брат Укана. Его-то дело – совсем стороннее, не его дело. С братом напросился.

– Так и есть. – Подтвердил Укан. – Кажись, он уже сюда ломится?

Но и общая надежда не помогла. Напрасно вслушивались гребцы в пугающее безмолвие.

– А ну, никому не спать. – Вдруг громовым криком взорвал безмолвие Укан, да так взорвал, что едва Император за борт не выпал. – Не спать, говорю. Все тут сгинем.

– Почему это сгинуть мы тут должны? – Тут же раздались недовольные сонные голоса. – Пусть поспят люди. Заодно и Воеводу дождемся.

– Я сказал, не спать! Забыли, как на Ремре отряд ни за что положили?

– Так здесь же чужаков и нет, не то, что – там.

– Лазуту тогда голыми руками взяли, таким же воздухом отравленную. Уходить надо. – Укан пристально посмотрел на Члуна.

– Уходим. – Кивнул император.

И весла разом упали на воду.

– Воевода нас там нагонит. – Члун на мгновение как-бы опомнился, но посмотреть в глаза команде не решился. Впрочем, и гребцы взгляд в днище драккара спрятали, и драккар не сразу ход набрал.

– Не суди нас строго, Аромей. – Прошептал Укан, когда ветер погнал мимо новую порцию хмельного тумана. – А НУ, НИКОМУ НЕ СПАТЬ!

Разумеется, все в «слух» обратились, ибо не только за Воеводу тревога, а и своя жизнь с его крепкой ниточкой связана.

Мах за махом, мах за махом, но как ни мучила гребцов совесть, а, когда небо красками окрасилось, драккар ход основательный набрал. Только, вот, гребцы угрюмо молчали. Да руле-

вой все тревожней и тревожней посматривал в свинцовую воду, в коей начали просматриваться дивные рыбыны, целиком состоящие из огромной пасти и короткого хвоста.

Про новый день только краски в небе и напомина. . . . Прежде напоминали, а сейчас там тоже – серо и тоскливо, а потому к метаниям руля внимание рулевого особым стало. Не должно быть такого, это вам не горная река. И гребцы давно уже втянулись в размеренную, монотонную работу, – не должен вихлять драккар.

Решение все не находилось, а новая порция хмельного тумана только отвлекла рулевого. Более того, помимо вибраций появилось еще что-то, еще не слишком проявившееся, но пугающее уже не меньше, если не больше.

Рулевой еще раз с надеждой посмотрел на небо. К его досаде, небо, кажется, еще больше потемнело.

«Что-то Укан замолчал?».

Не напрасно про Укана Грац вспомнил. Как ни тревожно стало, а задремал он-таки, и его левая рука безвольно упала на воду.

Знать, не напрасно он делал подношения водяным духам и богам. Эта-то мысль первой родилась, а следом удивление пришло, что имя свое вспомнил. Когда Воевода уходил, не мог вспомнить, а тут . . . ? А тут, кого хочешь, вспомнишь

Два ряда острейших зубов пролетели мимо руки рулевого и застряли в веревке, связывающей руку рулевого с рычагом руля, и свободно свисающей к воде. Ненадолго застряли. Еще и озноб к Грацу прийти не успел, а размером с ладонь туша, перестригнув веревку, звонко шлепнулась в воду. И тут же с разворота взвилась в новую атаку. Все остальное дорисовало воображение. Дорисовало бы, если бы действительность не оказалась страшнее.

Про зубы ничего не надо было и дорисовывать. Они сами всплыли над поверхностью воды. Конечно, не сами зубы, но они затмили все остальное.

Теперь и припоздавший озноб на месте оказался, но не помешал отчетливо увидеть чудовище, целиком состоящее из зубов, из воды торчащих. Хвост-то Грац потом увидел, когда рыба на бок легла.

Грац, как позже сам догадался, что-то совсем нечленораздельное крикнул Укану, но и тот только отшатнулся от борта.

«Ни в коем случае не бросай руль! И это даст шанс и тебе, и доверившим тебе свою жизнь людям». **НЕ ВИДЕЛИ СОВЕТЧИКИ ЗУБОВ, ЛЕТЯЩИХ ПО ВОЗДУХУ ЗА ТВОЕЙ РУКОЙ.**

Грац наотмашь полосонул своим ножом весельщика по серой тени, и не успели ее две части в воду вернуться – исчезли в вынырнувших из воды таких же пастях. А он – и по ним мечом.

Грац опомнился только тогда, когда неловко зацепившись плащом за крюк, едва не выронил свой нож за борт.

Опомнился, – и . . . исполнил первую заповедь мореходов, – про руль которая. Может быть, и запоздало вспомнил, поскольку весельщики, орудуя веслами, аки мечами, уже раскачали драккар настолько, что он начал черпать бортами воду.

Грац не понимал, есть ли от него толк, как от рулевого, но больше уже не бросал руль.

А за бортом вода кипела. Говорят, так начинается морская буря, в какой-то Грацу побывать довелось только раз, но помимо законной гордости

Эх! Да что говорить? Поначалу ваш корабль начинают сотрясать мелкие неугасаемые вибрации, от которых тут же начинает сводить зубы А потом

Разумеется, за бортом была не буря. Разумеется. Беспомощность Граца легко можно объяснить. И не совсем разумением.

Гребцы – люди опытные, но опыт, что нужен сейчас, так просто не приходит. Откуда же было им знать, что кровь привлечет новых хищников. И понятно, что привлекла. Драккар беспомощно закрутился, совсем перестав подчиняться веслам и рулю. И все бы ничего, но днище

все продолжали и продолжали, как понял теперь Грац, грызть чьи-то неутомимые зубы. Смысла в этом как бы не было, – тем более что стражникам пришлось-таки еще поработать мечами. А куда деться, когда прямо по хребтам отчаянно борющихся за добычу рыб к борту устремились несколько более наглых пастей.

И прорвались-таки. Прорвались, – и в еду вцепились – в сапоги, то есть.

Видимо, воды этого мира не способны прокормить столь прожорливых хищников. А и вряд ли сюда собрались все? Но даже если и так, то их тоже слишком много. Это понял Грац, но, похоже, поняли и гребцы. И благо, что не оступели они еще от осознания бессмысленности своего упорства.

Грац отпихнул в клокочущую воду двух дорвавшихся до борта рыб, и огляделся.

Их команда уже выдыхалась. Полностью. Некоторые с превеликим трудом бессознательно поднимали мечи вверх, и так же бессознательно втыкали, либо роняли их в воду.

«Эх, Воеводу бы сюда». Грац снова искал глазами Укана. Он, конечно, не Воевода, но авторитет большой имеет. На месте был Укан! Необычно молчалив только. Оно и понятно, – не меньше, поди-ка, других устал. А виду-то старый вояка не подает: размеренно кладет свои удары на кровавую кипень воды.

Грац пошевелил рулем, – ничего нового: туго пошел руль. Ох, туго. Но и в покое его, кажется, оставили: никто уже не грызет его больше.

Зато корпус грызть не прекращают. И, как бы ни крепка была обшивка, у всего предел-то есть. Грац старательно гнал от себя опасную мысль, но чуткое ухо так и выслушивало подозрительный скрежет.

«Накликал-таки!».

Но, хоть и первым узрел беду Грац, первым возле нее оказался, все же, не он. Сонир, брат Укана, уже вгонял в днище клин якоря.

Грац оторопел поначалу, – в безумии Сонира заподозрил. А времени-то на то и не было уже. Не удержался на ногах Сонир, – и прямо на глазах выполз из прорана якорь. Упал, – и проскочили на палубу через проран несколько зубастых тварей. И, бросив руль, теперь уже сам Грац помогал вгонять якорь в проран.

Это было невероятно. Конструкции прогулочных драккаров внешне мало, чем отличаются от боевых. Разве, что материалом. Но этот же – драккар Императора. Стало быть, боевой прогулочный. И, стало быть, на его постройку шла самая отборная чука, и строили его самые лучшие мастера. Грац в этом деле специалист – так себе, но толк в цене того, или иного корабля знает. И цену чуки знает, и знает, что прогрызть ее нельзя. Редко какой мечник решится проверить свой меч на правильно заготовленной чуке: слишком дороги мечи.

Грац про Императора, если честно, позабыл уже, оттого, к прискорбью Граца, от его дикого визга руки-то и задрожали. А когда не видишь, заподозришь все, что угодно.

Упф! Это уже проходили. Оказалось, одна из бестий вцепилась зубами в сапог Императора. Непорядок, конечно, но терпимо.

ЧТО?! Не проходили этого. Не про-хо-ди-ли! Невероятно, но драккар снова дал течь.

Грац, конечно, знал, что на драккарах есть несколько мест, где используется совсем невызревшая чука, но этому драккару много лет, и у него и незревшая чука должна была дозреть. Драккары сращивают из обрезков чуки только во время сокодвижения не более двадцати дней в году. В Империи существуют всего две корабельные верфи и там трудятся более трех сотен человек. Только двадцать дней в году, и за это время успевают построить по одному-два больших драккара. Правда, задолго до этого они же вымеряют, выбирают и намечают подходящий материал, чтобы потом в ходе строительства не терять попусту время. Все рассчитано до мелочей, и у каждого своя очень точная работа: ошибется один, – и на целый год сотни семей остаются без средств существования. А на следующий год уже не всегда удается враспить в судно

недостающую деталь. Капризна чука, – плохо срастается с уже твердой поверхностью. Но даже точная работа не гарантирует, что все срастется, как надо, и не везде это возможно. Для этого и используют еще не начавшую вызревать древесину. И, хотя эти места гораздо слабее, но и без них не обойтись. До таких мест, похоже, и добрались эти твари. Щель была значительной, – и, если бы не рыба под бортом, драккар, наверное, пошел бы ко дну: хоть чука и легче воды, но больно уж много на драккаре того, что еще как тонет.

Однако, визг Императора пошел на пользу: разом схлынуло всеобщее отупение, – и словно луч света лица зажег. Несколько человек ко второму якорю метнулись, и вогнали его в новый проран так, что ничто его оттуда не выдавит. И у Императора только честь пострадала.

Возможно, это дало только кратковременную отсрочку. Но так глупо снова растерять надежду. Тем более, когда солнце, наконец-то, пробило серую дождливую мглу. Ну, солнце-то, надо думать, намерения свои изменит неоднократно, а вот люди? Люди надежду еще не теряли, удовлетворенно отметил Грац, и снова не небо посмотрел. А ведь разбегаются тучи: «Авось и выберемся».

Но рука Граца сама потянулась к мечу.

«Что-то не то, однако?». Сердце сжалось, и взгляд Граца тревожно заметался по драккару. Ничего как бы подозрительного?

Кажется, ничего. Конечно, драккар, поднятый рыбами над поверхностью, все еще беспомощен. Но есть надежда, хоть и маленькая очень, что яркое солнце, на какое-то время отпугнет рыб. И тогда уж

Нет, что-то он, все же, просмотрел?

И вдруг Грац едва не выпал за борт, – драккар, приподнятый над водой скоплением рыб, сначала быстро понесло к берегу, а потом бросило круто носом вниз.

Граца всего передернуло, и он судорожно вцепился в рычаг руля. Но мысль, способен ли драккар выдержать такой удар, явно запоздала. На горных реках, случалось, отваливались носы, изображающие головы загадочных животных. Не известно, кто – эти животные, и почему именно их головы была на носах кораблей, но что есть – то есть.

Драккар выдержал, но падение было таким неожиданным, что сгнули в воде два гребца и, – что хуже! – три меча. А, вот, воды драккар почти не зачерпнул.

Весельщики скопом бросились к бортам, но выпавших гребцов так и не увидели. Зато, весьма неожиданно почти рядом вынырнул из тумана берег, но снова между ним и драккаром оказалась хоть и узкая, но высокая полоса растущих прямо из воды деревьев, а туман все еще позволял видеть берег только прямо перед ними, и никак не дальше.

Но внизу-то – хищники.

Грац нервно посмотрел на воду и удивился: внизу, кажется, было пусто, хотя скрежет под судном еще продолжался. И, все же, сейчас вряд ли кто решится последовать примеру Воеводы.

«Что-то он просмотрел?». ЧТО?

Нет, кругом было спокойно. И, хотя небо снова окутало дымкой, но не была она ни мрачной, ни

Грац все-таки был неплохим водоходцем, и уж ему ли не знать, как искажают окружающее пространство вода и туман? Тогда горизонт словно бы заваливается на тебя, изображая главный ужас морей. Когда горизонт?! Горизонт заваливался, но совсем не так. Грац вскочил на скамейку и, едва не упав в воду, схватился за нос драккара: драккары всегда симметричны, даже рули. Правда, носовой руль во время хода болтается свободно и судном не управляет.

Похоже, его опаска верна: не горизонт падает на воду, а в их сторону движется гигантская волна.

Озеро не всегда бывало спокойным. Сам-то Члун ни разу не видывал их, да и немного осталось в живых свидетелей волн-убийц.

А теперь и Члун, кажется, увидел таковую.

Рядом она уже была, эта волна. И, наверное, от страха показалось Императору, что нет у нее цвета воды. Либо на ее поверхности отразились деревья, растущие из воды, сеточкой отразились.

Император, кажется, онемел. Испуганные его видом гребцы бросили свое суетное занятие и обернулись туда, куда, издавая нечленораздельные звуки, указывал рукой Члун.

Пред ними над высокой волной вставало полосатое серо-желтое небо.

Никто не успел даже испугаться, – наверное, не нашлось уже места новым испугам. Просто, замерли все на своих местах.

А клетчатый серо-желтый горб уже быстро скользил мимо, разгоняя по сторонам стоячую воду. И некуда уже было деться этой стоячей воде, – и она выплеснулась вверх и на берег, увлекая вместе с собой обреченный драккар. И полоска деревьев не помешала, только коротко царапнули по бортам верхушки деревьев.

А в самый последний момент

А в самый последний момент на полосатом серо-желтом небе возникли два огромных глаза, над которыми

Над которыми величаво возвышалась ЗОЛОТАЯ КОРОНА.

5

Император Члун, кажется, «впал-таки в детство». Предсказание сбылось. Наверное, это-то Милей и назвал первой его смертью? Двум-то смертям не бывать. Вторым должен погибнуть Глань. А потом

Волна с силой вогнала их драккар в густые заросли деревьев, а при отступлении не хватило у нее сил вернуть его обратно.

И драккар, сначала медленно, а потом все быстрее, и опять же носом к земле, сполз вниз, да в таком положении и остался.

Больше всего досталось рулевому: он, как повис, схватившись за рычаг, так и съехал. Силы-то быстро кончились, а, поскольку зацепиться больше не за что было, так и рухнул вниз.

Члун-Икосаэдр, и никак иначе, быстро и упорно выкарабкивался из путаницы всяческого сора, принесенного водой вместе с ними. Разумеется, сором теперь оказался и поставленный стояком и зажатый между деревьев драккар, и люди, с трудом приходящие в себя после жесткого падения и растерянно выбирающиеся из этого сора.

Члун тихо заскулил, брезгливо сбрасывая с себя липкие комки тины и гнилой листвы, но, все же, старался держать себя в руках, тайно надеясь, что помутнение пройдет, и подданные не увидят его беспомощности. Оно бы и прошло, если бы не перекрывающий все образ неправдоподобно огромной пасти, перекрывающий полнеба. И с короной на голове.

Нет, скулить-то он перестал, когда рядом упал рулевой, а дальше?

А дальше ничего. Разве что? Но признаться в этом – значит, добровольно сообщить то, о чем так часто вешали «доброжелатели».

Неприлично долго они растерянно осознавали, что все-таки выжили. Грязные, в дурно пахнущей тине, с многочисленными ссадинами, – про одежду и речи нет, – и в полной про-

страции, – они, закаленные воины, мало походили на людей, всегда ловко выходявших из многих передраг.

Но пошли и, буквально, поползли, – кто – как! – они не к воде, чтобы смыть с себя все зловоние. Инстинкт подсказал им вверх карабкаться. Наверное, они могли и потеряться, расползтись в разные стороны, но что-то удержало их вместе, свело на сухом холме, густо усыпанном горько-сладкими ягодами. Но и не ягоды приманили их, это однозначно. Возможно, многие и шли, и ползли сюда бессознательно, из последних сил.

Хотя четверых так и не досчитались: двое-то там, на воде, сгнули, а еще двое – что тут говорить? – не нашли, стал быть, дороги.

Иное поразило и обрадовало рулевого: никто меча «не обронил».

Это после уже поразило, когда зашевелились, подыматься начали, ошупывая себя и охая. Из тех, кто вышел, больше всего рулевому и досталось, – рука у Граца была, наверное, сломана, когда падал – как только и полз-то он?

Ну, руку-то Сонир ловко приладил, – так на то у магов и подвизался, а вот как с головами быть? То ли от пережитых страстей, от ушибов ли, али от тумана смородного у всех они аки медные колокола гудят. А туман-то – тут как тут: потянулась сладко манящие еле заметные его ниточки.

Император-то не выше большинства оказался, на рулевого, было, право решать пало. А до того ли ему?

А туман уже к холму подбирается. Переглянулись Грац с Уканом, кивнули друг другу головами. Укан первым и пошел, а за ним и другие. Сначала они пошли вольготно, словно на прогулку собрались, да что-то больно быстро ход набрали, аки гнался за ними кто-то. Некоторые даже Укана обогнали. А тут, глядь, далеко впереди просвет веселый образовался, – вот и понесло. Пока, запнувшись о корягу, не стукнулся рулевой большой рукой о встречное дерево. Это-то тут же и умерило их прыть.

Надо сказать, вовремя умерило, ибо чуть, было, не столкнулись нос к носу с то ли лазутным, то ли дозорным отрядом.

«Кто, такие?», – Оглянулся на молодого лазутного Укан, – на него теперь право решать пало.

«Я таких не видывал ни разу», – оторопело заморгал глазами лазутный, на что тут же вскинулся Император: «Пошто Сабора не взяли?».

– Занемог Сабор, а таких людей и он не видывал. – Махнул здоровой рукой Грац. И, задумчиво помолчав, добавил. – Земля-то чужая, как-никак.

И это напоминание заставило «уши-то к земле и прижать».

Они на этой земле – чужаки, а посему не резон и раскрываться было. Уже одно то, как по-хозяйски вел себя тот отряд, ничего хорошего им не сулило. Грац придирчиво оглянулся на своих: м-да, одним махом сметут их чужаки, – заметят ли? Но чужой отряд вдруг перешел на рысь, и веером растаял в полумраке леса.

– Не нас ли ищут? – Прошептал кто-то из гребцов.

– Не, не нас. – Попробовал оправдаться лазутный. – Не сторожевой отряд-то.

– Ишь, знаток какой?! – Миротлюбиво крякнул Укан. – Все равно, рано нам на люди выходить. Сначала осмотреться надо, и Воеводу сыскать.

– Так, Воевода их на поиски и направил. Кто еще? – Обрадовался, было, гребец, да, сам себя и опроверг. – Не было с ними Воеводы, однако.

– Если нас ищут, назад вернуться. Но я так думаю, нет нам надобы раньше времени обозначать себя. Вот, помыться бы, да о желудке позаботиться – самое время. – Грац устало опустился на землю. – Придется кому-то к драккару вертаться, а кому-то дичь искать.

К драккару вертаться не пришлось, поскольку Укан про котел еще у драккара вспомнил, и про самострел тоже.

«Ну, и аппетит нагуляли, словно дней пяток не ели».

Всякую опаску потеряли. Уже, когда завершали трапезу, разбрелись по лесу по разной надобе, и снова на отряд едва не нарвались. Однако хватило разума самим в руки не отдаться. Похоже, тот же отряд, битый только. То-то, звуки, легко узнаваемые, из леса-то слышались?

Сразу и не до сна стало.

«Что делать будем? – Растерялся Император, оставшись без Воеводы.

– Оно и понятно. Уходить надо. – Рулевой, хоть и ветеран был, но растерян был не намного меньше.

– Это куда же уходить? – Второй-то ветеран, Укан, уже котел в дорогу готовил.

– Туда и идти, откуда бой был слышен. – Грац уже все решил.

– Так они и нас так же приветят. – Невесело хохотнул, молчаливый все это время весельщик.

– Не приветят, если не будем железом поперед головы работать.

6

Не по-умному все и получилось. Затесались они в такие непролазные дебри, что, выбираясь, едва не растеряли друг друга, да и вышли незнамо, куда. Им бы уgomонить свою прыть, да куда там: заметались они по лесу, пока ноги не посбивали, и многие уже были готовы сдаться, кому угодно. И не потому ли, выбравшись на небольшую поляну, рухнули, кто, где стоял, и до следующего утра проспали. И озерцо лесное не приметили.

А потом прошли еще – кто насчитал, два, а кто, три – дня полуголодного состояния и бесплодных метаний по лесам. Дважды, нет, трижды они оказывались в объятьях смородного тумана, и одиножды едва не сдались его настойчивости, да, ветер спас. Этот-то раз и посчитали, видать, за лишний день, а, может, так и было. А на третий, – (или, все же, четвертый?) – они вышли туда же, откуда и начали свои метания. Теперь большинство уже было готово сдаться. И сдались бы, если бы было, кому, да случай вывел их на окраину густого леса, как раз туда, где возле вросшей в землю избушки горько плакала девица над умирающим... Воеводой.

Душа Воеводы никак не хотела расставаться с телом. Он почти не приходил в сознание, и все время бредил про набатные колокола, невыполненную службу и коварного врага.

Тело Воеводы грузное, под стать его силе и опыту. Даже лошадь тяжело дышала и нервно косилась на перекинутое через седло тело. А посему шли медленно, вопреки всяческой необходимости.

Случайно ли, нет ли, но их пути пересеклись.

Милей возвращался от разбитого рейдера, а заодно привел очередной обоз с провиантом. Конечно, их пути могли и не пересечься, но Милей остро чувствовал, что в его отсутствие что-то произошло и здесь. И это его не удивило бы.

Тот рейдер не был простым. В его движитель был заключен Кристалл Времени, один из тех двенадцати Главных Кристаллов Малаи. Как известно, четыре из них уничтожены, вынужденно, но однозначно. Шесть спрятаны не за семью, а семьюдесятью печатями, и, если возникнет опасность, их тоже уничтожат.

Одиннадцатый, как ведал Милей, – во Врановом болоте скрывается.

Про двенадцатый, что принадлежал Белому Волку лично, знали только несколько надежных человек. Его, конечно, искали и другие, но те, что знали о нем, знали, прежде всего, про него такую тайну, что они даже под страхом смерти, скорее, откусили бы себе языки, прежде чем раскрыли бы рот. И мозг тоже. Во времена Белого Волка рейдеров еще не было, и этот Кристалл Времени был сердцем большого Кристалла, аналоги коего впоследствии назовут Звездчатыми Октаэдрами. Говорят, с их помощью малаи по миру расселились.

Так говорят. Двенадцатый же Кристалл тоже, было, на Земле обрелся.

Волхв Еремей, не тот, что стоял у града Китежа, а его дед, должен был собрать разбросанную по миру «неразбавленную кровь Малаи». Трудно сказать, был ли он малаи «неразбавленной крови». Всего скорее, нет. Да и обнаружилось, что у Еремы был дед, – что, по логике вещей, глупо, – когда Еремей Иванович пропал... вместе с градом.

Рейдер уже был готов к отлету, когда стало известно, что на Еремея началась большая охота, а посему

А посему спрятан был Кристалл на берегу озера Светлояр. А дальше – у Милея мозга за мозгу попросту зашла. До двенадцати считать он, худо-бедно, не разучился, но кристаллов, получается, – гораздо больше. Либо Либо уничтожены были поддельные кристаллы.

А посему, и это однозначно, рейдер стал чистильщиком-утилизатором Гиперпространства. Это сейчас Оно самоочищается, а в то время оно было скопищем различного мусора, от бытового начиная, и кончая астероидами. Рейдеры, стало быть, – так, соринки.

Это потом уже, когда и сами мусоросборщики такого типа сами стали своего рода мусором, рейдер попал под опеку Чулунов, правителей недалеких, но науки и новизны не чурающихся. К тому времени про двенадцатый кристалл совсем забыли, и до последнего времени все шло нормально.

Почему всплыла старая, можно сказать, невзрачная легенда Милей и до сего времени понять не может. Говорят, случайно, но не настолько случайно, потому как тут же всполошила Хранителей, а следом и тех, кому это знать совсем не положено. Нет, как чаще всего и бывает: какой-то доморощенный кандидат в какие-то особы решил форс показать, так сказать. Ну, и выпендрился, стало быть, да так выпендрился, что Милея посереде законного сна с кровати выдернули и... послали.

Он бы тоже мог послать, – как-никак конвенция обратной силы не имеет. Но достаточно было одного имени, чтобы «А что такое сон, скажите?».

Имя это не было названо, но и клочка бумаги, кой по прочтении сожгли, было вполне достаточно.

Если честно, Милей никогда в Бессмертные и не стремился, – и, надо понимать, не был богом. Он был, как сам считал, всего лишь заурядным волхвом. Ну, и заурядным – это громко сказано. Конечно, громко. Он был провинившимся волхвом-неудачником. И любовь его этому – не оправдание. Он, конечно, не был уверен, что и обет его – оправдание, но он сам объявил себя волхвом-изгоем.

А Бога-изгоя, по простоте своей душевной, определил своей противоположностью, почти двойником.

Об этом и думал, подремывая на ходу, Милей, возвращаясь от рейдера со смешанными чувствами. Кристалл из рейдера пропал – это однозначно. Когда – это неопределенно, зачем – спросите что-нибудь, что – полегче, как говорят. Одно успокаивает, – кристалл где-то рядом, это же и тревожит, – полная противоположность тоже где-то рядом.

И это самая большая загадка. Кокон, – знает Милей, – сооруженный Арель и Олой, внешне цел и невредим, а Многоликого в нем нет. Нет, конечно, Милей в курсе, что он когда-

то сумел сбежать и из Пантеона, но кокон – это кокон. А Многоликий, все одно, сбежал. Помог, получается, кто-то?

Не напрасно ли Милей растревожил старые воспоминания, тем более что драконы лишили ЕЕ Силы? Но старая любовь никак не угасает даже под неопровержимыми свидетельствами измены. И потому не угасают и обида, и чувства разные. А чувства говорят, что ОНА тоже где-то рядом, да и обида никак молчать не хочет. А, поскольку обида не молчит, то Милей понимает, что это именно ОНА вывела Многоликого из кокона.

Зачем?

Милей задумался, – и понял, что ошибался. Временная расщелина, которую сейчас ликвидирует Лучник, не связана с той, в которой совсем недавно, – по космическим меркам, разумеется, – расцвела Безыменная.

Честно признаться, Силы Милея не хватило, чтобы встретиться с Лучником. Кто бы мог подумать, что тот легко перейдет через расщелину. Но он перешел, и что там происходит, никому уже неизвестно. Ну, Даугратинья-то пыталась успокоить, что у него, мол, первый Меч Гефеста и Луч Возмездия, – так называли люди его оружие. Но он – один, и никто совсем не застрахован от случайной стрелы.

С этой мыслью Милей покосился на Аромея. Воеводу сразу же переложили на телегу. Стрелы Ола еще на заимке извлекла, а раны Милею пришлось закрывать. Лицо Воеводы заметно порозовело. Стрелы не были отравлены, хотя Милей слышивал, что этим ордынцы не брезговали. А посему и Знаний Милея хватило, чтобы жизнь перестала покидать слабеющее тело.

На Аромея у Милея теперь были большие виды: первый меч Троицы остался без напарника, а никому, кроме Лучника и... Аромея, меч, полагал Милей, не подчинится. Это прочтено однозначно. Не потому ли с Воеводой случилась такая беда? Да, нет же, никто, кроме Милея, не просчитывал варианты. Или просчитывал? Сегодня нельзя быть уверенным ни в чем. Сегодня, – даже при том, что ты углубился в такое далекое прошлое.

Они могли бы и разъехаться. И разъехались бы, если бы у одной из телег не развалилось колесо. Провозились с ним долго, оттого и припоздали.

В той стороне, где они увидели вереницу людей, своих быть не должно. В той стороне – только волхв Бирюк со своей семьей обретается. Но он – в град не ходок, хотя и осел в своей землянке, чтоб при опасности предупредить град.

Только сейчас Милей вспомнил, что давно уже должен был навестить Бирюка, вспомнил – и разом почувствовал тревогу. Ну, никак не получается у них встретиться. Многое бы прояснилось.

Милей напряг зрение, но Бирюка, все же, не признал. Да и как признать-то, коль столько воды утекло. Да и он ли там? Бирюками многих на Руси именовали. Тот-то Бирюк семью себе больше не искал, а у этого – жена и двое сыновей. А имя – среди волхвов не редкое.

Нет, Бирюка там, явно, не было. И на татарву тоже не похоже.

«Эх! Глаза не те стали». Но Милей продолжал тревожно вглядываться в вереницу людей. Больше на тех, столичных, похожи.

– Дева городская там. – Понял его растерянность возница.

– Дева? Которая? – Но он уже и сам узнал Олу.

– А, кто с ней, не могу сказать. Не наши люди, это точно. – Между тем продолжал возница.

– Татарва?

– Не, этих сразу узнаешь.

В любом обозе всегда имелась пара коней верховых, чтоб в случае какой-либо напасти помощь вызвать.

И у каждого обоза свой хоругвь имеется, у Милея – тоже.

Ола издалека увидела хоругвь Милея, но приказала занять круговую оборону. Всадники ехали со стороны солнца, – и узнать Милея было сложно, а помимо него стороной могут скакать и другие. Так они и стояли, пока всадники не приблизились на расстояние прицельного полета стрелы. Лук – это все, что взяли у Волхва. Его вместе с семьей похоронили в землянке за домом, где доселе жил Бирюк. Ола не понимала эту причуду волхвов, но обычаем сей знала, и потому исполнила все, как надо. Все, как надо. Двое весельщиков выдернули замок – клин, каким-то образом удерживающий всю конструкцию, – и все строение ловко осело вниз. Кто не знает, вовек не догадается, что здесь похоронен волхв.

А оружие? Оружие всегда имеет цену, – и тот, кто отправил волхва к праотцам, получает его в наследство. А у Бирюка из оружия были только лук да дубина.

На таком расстоянии и зрения Милея достаточно, чтобы увидеть, что Ола уже натягивает тетиву. Милей тут же притормозил коня, давая ей возможность присмотреться.

И лук медленно опустился вниз.

Не зря Милей почувствовал тревогу. Всего, что мог сообщить Бирюк, теперь не узнаешь, но и того, что принесла Ола, достаточно, чтобы понять, что граду угрожает опасность.

А понять, – зайти сердцем от новых загадок. Три стрелы попали в грудь Аромея, – и все три были разными. Надо понимать, что одинаковых стрел не бывает, но внимательный человек всегда поймет, какие из них принадлежат одному времени, либо народу, какие другому. Что касается времени, то две стрелы – новодел, но, если одна все-таки имеет «ордынские черты», то у второй – «лицо будущего». Третья – древняя, татарская, – это и к бабке не ходи.

А к бабке-то идти, как раз, и надо. Ола не успела разглядеть лазутчиков, – попробуй-ка в ее-то положении. Но это, кажется, – не те, которых, как сказывают, завел Мирон Грек к Черной протоке. У тех смородные ветры начисто выскребли дух, и иссушили плоть настолько, что осталась только видимость старого воинства.

Нет, они иногда выходят из объятий Черной протоки, но это уже не люди, а призраки, коих может вернуть к жизни только

Милей уже догадывался, каким будет продолжение. Или может быть. Многоликому в разные времена служили многие люди, и призраки тоже – Зло, всего скорее, никогда не иссякнет.

Внимательно слушая Олу, Милей занимался главным делом. Открывать и закрывать раны не приходилось, поди-ка, сто лет. И он по-детски радовался, что не забыли руки этого мастерства. Стреляли, видимо, издалека, да и кожаная поддевка Воеводы была довольно толстой, – так что в тело вошли только наконечники стрел. Повозиться, конечно, пришлось, – Аромей уже потерял много крови, и каждая новая капля обходится все дороже и дороже.

Но ни глаза, ни руки не страшились. И все получилось. У Милея всегда при себе заветная бутылочка, – это снадобье создал «отец» – волхв, что подарил Милею вторую жизнь. Рецепт снадобья сложен, и не всегда найдешь подходящие травы и вещества, потому-то и возит с собой Милей этот пузырек.

Честно говоря, снадобье более чем неприятное на вкус, и раны обжигает так, что слабые люди теряют сознание. А Аромей – ничего, только охнул тихонько да сморщился до той, что ниже пояса. Но тут же зашевелился, пытаясь встать. Воевода – одним словом.

А вот невразумительный рассказ Чулуна поверг Милея в глубокое размышление. Потому чуть, было, не пропустил тревожный шепот Аромея.

Да, и как обойтись без глубоких? Драккар Императора, по всему видать, занесло в Черную протоку, что само по себе невероятно. Черная протока и прежде-то была местом закрытым, неявным и практически неизученным – редко, кто мог попасть туда и, тем более, выбраться живым. Но, то ли это всего лишь выдумки молвы, но говорят, что все, кто там побывал и смог выбраться, стали неправдоподобно богатыми, и потому желающих попасть туда не убывало. Вот, только, мало, кому удается найти заветный путь. Нет, конечно, можно пройти туда через некоторые капища. Но капища – тоже места непростые, – обратного пути можно и не найти даже по зарубкам на деревьях. Это на Земле было, а теперь – и подавно: гуляет протока-то, как заблагорассудится. Сейчас ее можно на том месте и не найти.

Ха! Члун-то со своими людьми застрял на Протоке дней пять, если не более. И выжил, однако.

А вот, чтобы увидеть там Королеву Змей? Ну, Члун и так – Император. «Что?!». – И у волхвов бывает оторопь.

Кто может поверить, что Члун станет ЦАРЕМ МИРА? Но так гласит легенда-предсказание – предсказание, зашифрованное в легенде. Конечно, создано много легенд-предсказаний, уводящих любопытных далеко от истин. Возможно, и здесь тот же случай. А, возможно, и нет. Но согласно легенде, увидеть Королеву Змей и не стать ее жертвой, значит стать Властелином. Вот только, чего?

Конечно, можно все применить к этой планете. Члун-Доде объединил под своим началом двенадцать разрозненных и раздраемых войнами княжеств. И был Великим, пока не позарился на богатые земли Древних Магов. В итоге – потерял почти половину империи, и, в конце концов, сошел с ума.

Икосаэдр – двадцатигранник. Вряд ли можно предположить, что Члун может объединить двадцать земель. Для этого либо должна быть сильная внешняя угроза, либо Либо очень сильный союзник.

Ни того, ни другого пока не наблюдается.

И не дает Милею покоя упоминание об Ущербной грани. Через которую пройдет несущий Зло. У Икосаэдра Члуна есть такая грань.

Угу! Милей – человек с рождения не заковыристый. Впрочем, никто не ведает, когда он родился. Говорят, его нашли в придорожной канаве без явных признаков жизни беглые волхвы. И, если бы не этот факт, – вы помните притчу о мотыльке? Наверное, это так: ему было года четыре, но он ничего не помнил, – нежилец, одним словом. Но его приемные родители оказались ведунами, или волхвами, – разница для простых людей не слишком велика. И он выжил, и обрел не только память

А память-то шла из далекого-далекого прошлого, такого прошлого, откуда было видно будущее. Ясно выражаюсь? Нет, конечно.

Обоз слишком неспешно дошел до града. Так показалось Члуну. Хотя, если честно, прибавь обоз ходу, – и Император первым пал бы на мокрой дороге. В град их не пригласили, – и это сильно покорило Императора, но Милей с детской непосредственностью «объяснил»:

– Рановато вам туда. – И неясно было: скорбь таилась в его словах, или величие.

– А подать? – Не сдержался Члун.

– Будет вам подать. – Сухо ответил Милей. – Дожить бы до времени расчета. – И вздохнул устало. – Если за этим плыли, то напрасно.

– Десятину дадим. – Вдруг сказала молчавшая всю дорогу Ола. – Если война не начнется, в тягость это не будет. А если война, то все и так потерять можем.

– Но – Начал, было, Милей.

– Волхв Бирюк ждал тебя, Милей. Плохие вести у него были. Совсем плохие.

- Многоликий ушел из кокона. – Поник волхв.
 - Тысячеликий и не был в коконе. В Кристалле его пепел оставался.
 - В Кристалле? – Горько выкрикнул Милей. – А куда Даугратинья смотрела? Как она могла допустить такую оплошность?
 - Кто тогда читал пепел? – Защитила ведунью Ола. – Там же такое творилось!
 - На то и Сила у нее, чтобы читать. – Не согласился с ней Милей. – Пепел пеплу – рознь. А теперь, похоже, собрался пепел.
 - Он здесь? – Испугалась теперь и Ола.
 - Вы открывали Горизонт? – Вместо ответа спросил Милей.
 - Я – нет, конечно.
 - А Арель?
 - У нее и спроси. Вон она идет.
 - Я все слышала. – Еще не доходя до них, сказала девушка. – Горизонт я не открывала.
- Но мне показалось, что меня звал Лучник. Всю ночь звал.
- Ты выходила к нему
 - Нет, я знаю, где он. Но кто мог меня звать?
 - Либо Многоликий, либо Урита.
 - Это были не они. – Уверенно сказала Арель. – Их бы я узнала.
 - Тысячеликий – он и есть многоликий.
 - Их бы я узнала. – Печально повторила Арель.
 - Ладно. Потом поговорим. Сначала мысли свои проверю. На связь не выходите.

А Члун был в полной прострации. Эту девушку он полюбил еще в детстве. С одного взгляда, Где и когда он ее видел, он сегодня и не мог бы вспомнить. Тогда-то его, кажется, сумели убедить, что она всего лишь – плод его детского воображения, ибо таких девушек не бывает.

«Обманули», – кольнула сердце обида, – все могло пойти иначе! И прежняя любовь вспыхнула с новой силой.

Конечно, он никоим образом не показал ее, скольких сил это стоило, пока переправляли их на утлых суденышках на берег? А сколько сил еще потребуется!

7

Их уже никто не ждал. Слишком многие видели, как волна-убийца поглотила драккар, от коего, когда волна ушла, совсем ничего не осталось.

Если бы у Члуна был наследник, никаких распрей бы не было, но наследника ему боги еще не дали. В богов-то надо было раньше начинать верить. (Так Милей сказал.) Потому-то уже на второй день в империи началась борьба за трон.

Новар, конечно, был первым кандидатом. На сей день он держал Державную Думу в кулаке, и, если бы сумел убедить зарождающуюся Церковь, мог бы уже праздновать победу. Но он в свое время сильно ее обидел, отняв у церкви весомый надел земли. И теперь, чтобы преодолеть голос Церкви, ему надо собрать две трети голосов Думы, а стольких сторонников он не имел, да, он не мог быть уверенным даже в том, что его поддержат и некоторые из тех, кто, как говорится, кормится с его руки.

Новару противостояли сторонники бывшего Воеводы. Если бы был жив Воевода, то ему бы и быть Императором. Их тоже было немало, – и, если бы у них был кандидат, а еще хуже, сам Воевода, то все зависело бы от церкви

Но!

Но все сорвалось. Император вернулся. Вернулся и Воевода. Воевода, видели все, был физически очень слаб, но Гланя тут же вышвырнули не только с Воевод, но и из сотников, а Новар не посмел отозвать своих дружинников. Так и на плаху недолго угодить.

К тому же, озвращение Императора ознаменовалось новым знаковым событием: под опеку Империи ввиду усилившейся агрессии соседей вернулись все пять потерянных, было, уделов, да и еще два не слишком сильных, но, как-никак, все равно, княжества.

А Чуна уже ничего не радовало. Даже само возвращение. Теперь стало известно, что у него будет наследник, а это означает, что мечта снова становится призрачной. Это тебе не свита.

А Воевода быстро поправлялся, – и это умирало боевой пыл сопредельных владений. Еще бы! Империя за пару дней может собрать такое войско, что от любого наглеца мокрого места не останется. К тому же, вместо ставленников Новара поставлены сотники под стать Воеводе. И уже многие из сопредельных стали задумываться: «А и нам не примкнуть ли к Империи?». И только Степь обособиться стремилась. Но войны не затевала.

Аромей встретился с Милеем дней через десяток, когда обходил городскую стену. Это было регулярным делом Воеводы, – так что ему показалось, что волхв нарочно здесь и ошивался.

Так оно, по сути, и было. Милей, как ни в чем не бывало, вручил Аромею большой сверток со сбором трав и сказал недвусмысленно:

– Заваривай и пей чай раз по семи на дню. Бледен ты еще, – кровь, знать, не пришла в норму. А ты здоровый мне нужен.

И это не могло не удивить Воеводу:

– Куда это ты меня сватаешь? Войны, кабыть, не ожидается?

А Милей ответил без разных обиняков:

– В этом мире путь твой заканчивается, Еремей.

– Аромей я, если запомятовал?

– Я-то не запомятовал. А ты помнишь мужика на капище? Еремеем кличут. Это ты и есть?

– Так меня снова туда? – Догадался Аромей.

– Нет, Еремей, путь твой куда как дальше. Туда. – И поднял голову вверх.

– Стало быть, я умру скоро? – Опешил Воевода.

– Почему, умрешь? – Не сразу сообразил Милей. – А, это? Не, там мертвецы не нужны.

Всего я тебе не скажу, но предстоит тебе нелегкая служба, – это точно.

– Ужели окромя меня некому? Да и семья у меня: жена, дети.

– Да, с женой-то посложнее будет, но ты и так месяцами дома не бываешь, а сынов ты вырастил славных. Сотники уже, а скоро и в Воеводы сгодятся.

– Подумать-то можно? – Растерянно потрепал бороду Аромей.

– Подумать, говоришь? Нет, нельзя.

– А если откажусь? – Немного обиделся Аромей.

– Нет, Еремей, не откажешься. Я же тебя знаю.

И по его грустной улыбке понял Аромей, что, точно, не откажется.

– Когда? – Только немного осипшим от волнения голосом спросил.

– Не спеши. Лечись пока. Мне еще надо те мечи найти. – Проговорился Милей.

– Что за мечи? – Тут же ухватился за новость Аромей, – и пришлось Милею выкручиваться:

– Мечи, можно сказать, обычные, только не каждому под силу их поднять. Понял?

Одно понял Аромей, – Мечи – это тайна, которую никто больше не должен знать.

– Это ты правильно понял. – Похвалил Милей. – А пока готовь себе замену. Тяжело Члунику придется. Может статься, и против него новому Воеводе сражаться придется. И сынов своих поближе к делу приставь, – на эту троицу главная надежда. Выстоят они – сохранят Империю, не выстоят – здешний мир рухнет.

Ушел Милей так же тихо, как и появился, – и Аромей впервые в жизни забыл, куда шел.

Глава третья

На дальних подступах

1

В Гиперпространстве Милей – как дома. Столько времени был уборщиком, что уму не постижимо. Но и задача сейчас куда как сложнее будет. Лучник – это тебе не космический мусор, и не в габаритах дело, – мусор тоже разным бывает. С Иваном-то было проще: к одной цели по одной земле тогда шли.

К одной ли, привычно почесал свою «репу» Милей. Мог ли он тогда подумать, что снова пересекутся их стежки-дорожки в «гипере». Да, и на беглой земле тоже?

Пересеклись! Стыдно признаться, накатились тогда на Милея сомнения. Не поверил он в тот раз в Лучника, – и по сей день за это стыдно. И не признал – на берегу-то тогда. А должен ведь был.

Ну и что, что объяснение этому есть: в то время, как Иван пробирался в пустыню, Лучник сражался на беглой земле. И никакой Петлей Пространства-Времени не объяснишь того, что человек обитает в двух местах сразу. Он же не дух, подобный Милею.

Знания Милея, конечно, сильно устарели, – с этим не поспоришь, но что есть – то есть, а ему уверенным быть надо. Впрочем, уверенным надо быть и в другом: в граде этом. Вроде бы и Китеж он, а вроде бы и нет. Места-то вокруг знакомые, русские места, а град иным стал, остепенился. Он и раньше-то был не слишком доверчив, а теперь и вовсе. А еще, раньше вера напоказ была, а теперь попробуй найти родственную душу, – только на отшибных заимках волхва и встретишь. Да и они про град больше отмалчиваются. Оно, конечно, и понятно: слово-то – птичка перелетная. А силков, – в смысле, ушей, – вокруг понаставлено, – просто беда. Но соборы, кажись, те самые, на своем месте стоят, только пустые они, – вера-то на Земле осталась. Старая тоже. Одни идолища на капищах стоят, но пустуют капища, – прежде церковью запустовали.

И все-таки Милей отыскал «Молот». В ремонте нашел. Поломка была крупная: на «матке» с «мясом» вырвало зацеп для третьего рейдера, когда уходили в Гипер после мощной атаки на «Молот» неизвестного флота. Так Милею объяснили.

Атака была во всех смыслах непонятной. Можно сказать, из бездны вывернулось с пару десятков кораблей, и ударили всем оружием сразу.

Разумеется, «Молот» и на рейде никогда не стоит без защиты, тем более на рейде Гиперпространства. Само Гиперпространство требует искривления его, а, иначе, выбросит неразумное создание «к черту на кулички», как говорит Лучник. Так что, «зачекерились напрочно». Это уже Раунграсс поведал.

Видимо, не ведали об этом отцы-командиры чужого флота, – все ракеты прошли мимо рейдера, но ракета есть ракета, – ей цель нужна, все равно, какая. Ну, и вернулись они обратно по искривленке. Правда, и «Молоту» не поздоровилось. Возмущенное в прямом и переносном смысле Гиперпространство выбросило вместе с мусором, что остался от флота, и кокон с «Молотом». Постаралось выбросить.

«Молот» -то в Гипере удержался, но третий рейдер перед той атакой висел на одном зацепе, – его и оторвало от главной консоли.

Милей лихо «подкатил» к рейдеру, разумеется, на мусоросборщике, – родная, как-никак, техника. Рейдер, конечно, мог бы после последней-то конфузии и сбить их запросто, но Максика, или МХ-1274, Кригусу был хорошо знаком, потому Милей и рискнул.

Лучника, понятно дело, на «Молоте» не оказалось, чем и озадачило команду недавнее нападение. Нападать в Гипере без особой необходимости – себе дороже, – что и получилось! А Лучник в это время пребывает на той стороне. Честно говоря, у Милея, как и у любого нормального человека, понятие расщелина отождествляется с трещиной в тверди, ну, в крайнем случае, в воздухе. А то, что говорят о Расщелине во Времени – это, простите – помилуйте, за гранью разума. Любого. Милей – не исключение. А ему позарез надо на ту сторону, к Лучнику.

Кригуса уговаривать не пришлось бы, но он не мог не выполнить приказа своего Капитана. А приказ был таков: «Что бы ни случилось на той стороне, оставаться на месте, ну, и, в крайнем случае, отражать всяческое нападение». Понятно, что таковым и оказался тот флот.

– Как быть, ребята? – Почти стонал Милей. – Не на своем же туда соваться? Не пройдет он.

– Давай, я попробую. – Вошел в его положение Раунграсс. – Заодно и третий на мое место станет на время ремонта.

А Кригус сомневался. И не в том, что Первый не пройдет. Раунграсс и не в такие щелки проходил. Чаще всего проход через расщелину делает человека «куклой». Конечно, и Раунграсс, и Милей как-то слабо подходят под понятие человека, без обиды будь сказано. Особенно, Милей. Но стоит ли рисковать, коли после возмущения Гиперпространства расщелина только только начала «сдуваться». Глядишь, скоро совсем сдуется.

Нет, конечно, это всего лишь умозаключение Кригуса. Прежде всего, начало «сдуваться» Гиперпространство, что свидетельствует, что уменьшается сопротивление его Силовым линиям. Дальше – по аналогии. Надо полагать, сейчас за пределами кокона творится такое, что соваться туда рискнет только безумец. Впрочем, на «Молоте» все – из этой серии.

– Милей, ты, точно, туда хочешь? Не боишься, что Расщелина высосет сознание полностью?

– У Лучника же не высосала? – Ответить-то Милей ответил, а уверенности нет. – Что-то ведь должно остаться? Мне бы только передать, что ему надо срочно перебираться во время Члуника.

– А что там, во времени Члуника? Снова Иные?

– Трудно ответить, Кригус. Боюсь, не объяснить мне это сейчас. Ты же не читаешь легенд. В общем, так: это даже не легенда, а предсказание, и, если бы не стали исполняться события в том порядке, как описано, никто бы и не обратил на нее внимание.

– Как я понимаю, касается она Лучника?

– На этот раз, нет. Касается тех, кто рядом с ним.

– Как те, кто рядом, попали во время Члуника?

– Ну, Кригус, ты и вопросы задаешь? – Милей от возбуждения сильно хлопнул обеими ладонями по коленям. – Как Хранители. Здесь нас не услышат?

– Ну, значит, не говори. – Сдался Кригус. – Все может быть. Вычислили ведь нас как-то. Атаковали сходу, без разведки.

– Чей флот-то, не выяснили? – Милей, кажется, об этом уже спрашивал, но и лишний раз спросить не помешает.

– Нет, и там вряд ли что можно выяснить. От флота остались только куски расплавленного металла. Нетождественного. – Ответил Раунграсс.

– А откуда вывернулся, вычислили?

Кригуса не случайно мучили сомнения. Первозданную картину восстановить, разумеется, не удастся. Гиперпространство в этой части Времени изменилось значительно, но

Милей уже понял его. Они находятся в Предвремени Времени, пока скажем так, Чунов. Тут даже единичный рейдер может появиться либо через Первичное Гиперпространство, еще не переформатированное Зеркалами, либо ... Военный флот незамеченным может появиться только через Расщелину. Разумеется, Пространство этой эпохи совсем не изучено. Возможно, на какой-то из планет обосновалась раса Древних, она и создала Флот.

Как бы, не так! – Милей сам же и одернул себя. – Не встречалось в Гипере осколков рейдеров древних рас.

– Докуда же протянулась эта Расщелина? – Милей, как и подобает разумному человеку, снова перепроцировал понятие Расщелина во Времени в Расщелину в Пространстве.

– Не знаю. – Растерянно ответил Кригус. – Некоторые полагают, что Расщелина неоднородна, потому и росла слишком медленно, но в то же время выхватывала по всему Времени небольшие куски Пространства-Времени.

– Некоторые – это Лучник?

– Нет, забегали «на огонек» Хранители, Дауграгинья и Звездочка.

Так, вот почему Милей не мог найти сестер-волшебниц? Что ж, одной загадке ответ может быть найден. Даже не одной. Эту Расщелину создал Тысячеликий, значит, он, захватив время одной из планет, перегнал сюда ее рейдеры. Нет, снова не сходится. Тысячеликий – на этой стороне, во времени Чуника. И зачем ему перегонять флот к началу времен, когда можно было Нельзя было. Там Время скреплено Двенадцатым Кристаллом. Пока скреплено.

Эх! Жаль, не захватил Милей с собой легенду-предсказание. Надо по слову, по букве ее изучать. Так, стало быть, получается, что любое вмешательство в дела какой-либо планеты тянет за собой цепочку событий мирового масштаба. Взять, к примеру, град Китеж, или ту беглую землю. А теперь и они хотят вмешаться. Сплошная мешанина и получается. Потом вовек не расхлебают.

Милей тяжело вздохнул. Та земля, кажется, обрела свое место, а круги от ее перемещения только еще начали расходиться по Вселенной.

2

И у невезения случаются сбои. МХ1274 – автоматизированный мусоросборщик. А в этой части Гиперпространства мусора скопилось не на один контейнер. Вот он и принялся за уборку.

Конечно, Милей только приветствовал инициативу МХ1274.

Это для команды «Молота» его действия стали неожиданностью, но не для Милея. А, поскольку Милей с этой работы пока еще не уволен, то именно ему немедленно начали поступать отчеты по сортировке мусора. В основном, информация Кригуса подтверждалась. До определенного времени, то есть до того момента, когда уборщик обнаружил уцелевшую капсулу. А в капсуле находились десяток трупов.

А дальше, как говорится, – поподробнее. Нет, среди обитателей «Молота» не было экспертов, Милей в данный момент тоже обитатель.

В этой части Пространства-Времени самый квалифицированный эксперт – МХ1274. А он идентифицировал трупы и отнес их происхождение к первой четверти Третьего Тысячелетия – по земному исчислению, разумеется. Это, конечно, причуда Милея – земное исчисление. Что поделаешь, ну, не нравится ему приведенное время, – оно не согласуется с другими, так сказать, цивилизациями, оно даже и пишется с маленькой буквы, словно ничего не значит.

Кригус его причуду понял и принял, но ему, все равно, пришлось приводить время к приведенному. Его тоже можно понять, или необходимо понять, потому как эта информация – «привет из будущего».

Бессмысленно заставляя МХ1274 направить капсулу на борт «Молота», – искривленное Пространство для него тоже своего рода мусор.

Кригусу не хотелось бы тратить драгоценную энергию то на спрямление, то на искривление Гиперпространства. Но это была его инициатива, – и потому Построители начали немедленную работу.

Технического рейдера МХ1274 больше не существует. Технический рейдер МХ1274 ... погиб на боевой посту. Технический рейдер МХ1274, незабвенный Максимка /по «классификации» Милей/ Эх!

И это стало полной неожиданностью для команды «Молота», занятой спрямлением Гиперпространства.

Этот, вынырнувший из небытия флот, выбрал ту же тактику, то есть, тактику того, погибшего, флота. Но на пути его ракет встал мирный мусоросборщик. Его щиты, разумеется, слабее, нежели у «Молота», но многократно сильнее, чем у гражданских суперлайнеров.

Один Милей видел, как МХ1274 сорвался с места, – именно сорвался, ибо по скорости он ненамного уступал «Молоту», и пошел навстречу быстро растущей точке.

Теперь никто уже не узнает, что рейдер увидел в ней. Ракетная атака снова была массивной. Сначала взорвались щиты рейдера, ибо не рассчитаны были, что на рейдер кто-то вдруг да нападет, а через считанные секунды и сам рейдер.

Но этих-то секунд и хватило «Молоту». Пространственный кокон еще не успел распаться, а сам рейдер находился во фронтальной оппозиции.

Спасло «Молот» еще и то, что МХ1274 успел загрузиться «по самую макушку». Этой массы хватило, чтобы Гиперпространство не выбросило его наружу.

Честно говоря, Гиперпространство в этой части значительно отличается от всего остального. Для Кригуса, естественно. Для Милей? Это – как знать? Прежде-то в этом Времени мусора не было, и мусорщики сюда редко заглядывали. Стремно как-то в начале времен рываться. Это так Милей признался. Не во всем, конечно. Бывал он здесь. Это, когда кристалл с Вранового болота его вместе с Тысячеликим выбросил. Тогда ведь и подрядился Милей в мусорщики, дабы Противоположность мимо него не проскользнул. И не проскользнул – (без бы, пожалуйста), – ведь догнал же его Милей, правда, в другой Аномалии.

Что-то больно уж разговорился Милей? Не до этих подробностей Кригусу. Некоторые считают, что Гипер бесконечен, как в Пространстве, так и во Времени. Сегодня, говоря о Гипере, мало, кто говорит о Зеркалах, потому что Зеркала – это частное явление, а Гиперпространство – это С этого момента, следуя штампу, поподробнее. И Первичные Боги, и Древние Расы, и малаи, кажется, мало знали про Гипер, хотя и имели Знания, все еще недоступные Современному Миру. Так был ли Гипер в их Времена?

Можно предполагать, что первая Расщелина во Времени появилась на рубеже, когда Первичные Боги «почивали на лаврах», когда появились Бессмертные, более амбициозные, нежели Первичные. Кто ее провел? Во всяком случае, не малаи, хотя им и приписывается это «начало». А как же? Они же создали Пантеоны Бессмертия, они же изобрели Капсулы Знаний, они же

Единственное, что однозначно, – малаи не создавали Гиперпространство. Оно уже, если не всегда, существовало. И уже в их время можно найти известия о Возмущенном пространстве. Не от малаи, к сожалению. Но никто не поведал о причинах. Микровозмущения – это понятно. Выбросить наглый рейдер – это в порядке вещей. Это, если честно, – во благо. Но Полное Возмущение, – не будем говорить о Макровозмущении, – совсем иное.

Вообще-то, Возмущенное Гиперпространство – есть Взрыв электромагнитной энергии, во всяком случае, в этой части Мира, и Море Огня, температура которого рассчитана на то, чтобы либо испепелить то, что есть для него мусор, либо выбросить за свои пределы. Разумеется, слишком высокомерно говорить, что Гиперпространство таким «простым способом» обеспечивает безопасное судоходство. Нет, Гиперпространство призвано для информацион-

ного обмена и перемещения Искр Бога. То бишь, для расселения Разума по Вселенной. Это, как известно, еще не доказано, но и противникам нечем возразить. Это уже Кригус Милею поведал.

Но то, что произошло с Гипером на этом уровне, – совсем малообъяснимо. Это как бы похоже на Черную Дыру, но тогда должны присутствовать такие же центробежные Силы, но здесь в наличии только своеобразная «опухоль» – переплетение, скопление, или, если хотите, сгусток тысячелетней материи и многократно вздувшийся «пузырь» Силовых линий. И последнее тяготило более всего. Эта мысль тоже Кригусу принадлежала, поскольку все представление Милея о Гиперпространстве заключено в недоказанном объяснении некоего астрофизика: «Найди какое-нибудь созвездие. Нашел? На самом деле созвездий не существует. Эти звезды находятся так далеко друг от друга, что как бы и не знакомы вовсе. Но мы-то видим созвездие, и видим за счет сверхэнергетических каналов, перегоняющих энергию от звезды к звезде. И способен видеть их, как ни странно, только человеческий глаз». Не убедительно, но доходчиво. Правда, когда стал уборщиком, его глаз силовых линий так и не увидел.

Технический рейдер способен нести на себе массу целого флота, – конечно, не на втором, но скорость уже была набрана, – и теперь эту массу металла и огня Гиперпространство бросило на чужой флот, – Гипер защищался.

На сей раз на «Молоте» ничего не оборвалось, но всю сборку выбросило до скорости первого уровня. Вся команда, и Милей – тоже, – в лежку, хотя и были готовы к сюрпризам Гиперпространства при перезапуске искривления.

Первый уровень более статичен, чем второй. Пространства – (не говорите «нет!») – ноль, Время – однородно во всех направлениях. Ты есть, и тебя уже нет. Но не путайте с Черной Дырой. Кригуса предупреждали, что Первый когда-нибудь вернет тебя в отправную точку. Если не будешь дергаться. Так они и не дергались, – некому было. Кригуса сначала удивило, что Милей восстановился быстрее тренированной-перетренированной команды, но никому об этом не сказал.

– В прошлый раз то же самое было?

– Что? – Не понял Кригус. – Мы не были на Первом.

– Флот появился, когда снимали кокон?

– Н-нет, то есть, да. – Кригус удивился прозорливости Милея. – Ты считаешь, что они все время были рядом?

– А почему бы нет? Ты знаешь эти Расщелины лучше меня. Мы сейчас в Расщелине?

– Почему ты так решил? – Удивился Кригус, уже начиная догадываться, что Милей, в сущности, прав.

Милей начал объяснять, и вдруг понял, что опять начал запутываться. Да, и существует ли Расщелина? Что доказывает, что Время оборвалось, а потом началось вновь? Другие люди, другой строй, другие планеты Угу! А «беглая земля»? Град-Китеж? Пропавшие цивилизации? Гиперпространство, наконец?

Он боялся задать себе еще один, самый убийственный вопрос. Боялся, но не мог не задать: а к какому чуду отнести Лучника?

И еще один вопрос не был задан: «А к какому чуду отнести себя?»

Пока восстанавливалась команда, Гиперпространство начало вести себя совсем необычно, – еще бы, необычное ведет себя необычно. Конечно, МХ1274 был оборудован движителями нового поколения, так называемыми «статика в динамике». Но кто бы мог подумать, что технический рейдер способен в момент гибели так искривить Гиперпространство.

Гиперпространство не должно слоиться, распадаться на отрезки времени и создавать новое время. А оно вытворяет и одно, и второе, и третье, а там, откуда их выбросило, сейчас (?) творилось невесть, что.

Знать бы, что за оружие было у флота, хотя и не имеет сейчас это особого значения: «пузырь» схлопнулся с непостижимым всплеском электромагнитной энергии. Конечно, этого никто на «Молоте» не увидел, но это стало понятно, когда «накрылась медным тазом» едва ли не половина всей «навигации». И не узнать им теперь, вернутся ли они в отправную точку.

И что бы там ни творилось, к Лучнику теперь точно не попадешь.

И к Лучнику не попадешь, и обратно тоже. И некого будет приговаривать к пожизненному за угон и потерю технического рейдера. Кому и как теперь докажешь, что рейдер погиб героически.

– Какие теперь планы, Милей? – Кригусу – что? Он – в свободном плавании.

– Какие еще могут быть планы? К Лучнику не попал, рейдер потерял. А если подумать, всю жизнь непутево прожил.

– Милей ли это? – Присоединился к беседе Раунграсс. – Гиперпространство стабилизируется относительно быстро. Прорвемся.

– На этот раз – нет. – Кригус редко бывает растерянным, но сейчас был таковым. – Гипервозмущается все больше. Боюсь, нам надо бы удирать, да сил нет..

– Почему? – Спросили дуэтом Милей и Раунграсс. – Гиперпространство всегда стремится к устойчивости.

– И к чистоте структуры тоже. – Возразил Кригус. После того, как капитаном стал Лучник, Супермозг значительно подкорректировал голос, – и теперь мог участвовать в любой беседе. – А насорили здесь изрядно.

Удрать они не успели. Трудно было представить, что произойдет девиация всей навигационной системы, а, когда это обнаружилось, предпринимать что-либо было уже поздно. Оставалось повернуть градусов пятнадцать, чтобы дрейф рейдера проходил по оси. Впрочем, это уже не был дрейф. «Когда-нибудь Гипер вам отомстит», – таковы были прощальные слова предыдущего капитана второго рейдера. Возможно, это и была «месть Гипера». И «Молот», наверное, швырнуло во Взбешенную Зону. Туда, где Время перетекает в Пространство без времени, а Пространство – во Время (без пространства, разумеется). Здесь бесполезно сопротивляться, – любое упорство приведет к тому, что любой объект гравитационные силы разорвут как клоч соломы. Вот и швыряло их, то выворачивая наизнанку, то Из вас когда-нибудь вили пружины?

– Ну, и?

– Будем надеяться, что попадем не в Черную дыру, а в Расщелину. – Обнадежил, называется?! – Кто-то же должен выяснить происхождение флотов? – Это, конечно, так, но не было нужной уверенности в голосе Кригуса.

А «Молот» между тем неожиданно стал как бы неповоротливым, словно застрял в густой массе, и ее вязкость ощущалась во всем. И это была не та привычная «разгонная» тяжесть. Это было

Нет, непонятно. И еще более непонятен приказ капитана. Нет, сам приказ понятен до последней запятой, но капитана нет на рейдере. И, все же, все говорило о том, что это был приказ Лучника, – все, до последней запятой. Однозначно. И все же Кригус сомневался. Конечно, приказ слышал только он – можно подделать голос, но не ментальную связь. И, все же, Лучник не может знать, что здесь происходит. Но приказ – единственно верный. Или ...?

– Внимание всем! – Такие команды на рейдере выполняются четко и беспрекословно. – Всем занять места. Выходим на Первый.

Конечно, Супермозг сошел с ума. Они же и так на Первом? Или мы еще не были на нем?

Конечно, «Молот» дважды кратковременно выходил на Первый. Не слишком удачно. А сейчас? Наверное, все, что с ними происходило – не более, чем впечатление воспаленных мозгов. Морок называется.

– А где же мы были? – Раунграсс, разумеется, озвучил общий вопрос.

И Кригус вздохнул:

– Где угодно, только не на Первом. Первый так легко не отпускает.

– А на Первый-то выйти можем? – Ага, голодной куме – свое на уме, – Милей это.

– Приказ не отменен. Все готовы?

Не пройти на Первом через Взбешенную Зону, когда рейдер «завяз» непонятно, где? Где Силовая линия, согласная вынести их к началу времен? Она же тоньше волоса, она же

Как это происходит, не знает никто. Даже Кригус. На Первом – не существует материи в любом смысле слова. Там нет Пространства, а Время, говорят, идет либо внутрь себя, либо навстречу себе. ГОВОРЯТ! Кто? Какой смысл повторяться?

Кригус тоже мог бы согласиться, что он сошел с ума, но не мог признаться команде, что так же сказал Лучник, и именно в сей момент.

Но Второй – Второй ли? – их не выпускал. Гипер мстил? А почему бы и нет?

Нет, не мстил. Взбешенная Зона вдруг взрывоподобно начала расти – как на дрожжах. Так показала навигационная, но двигатели не выли от перегрузки. Все! Это решение было ошибочным. Кто-то преднамеренно дал приказ, и Кригус повел «Молот» на погибель, но ему не уготована честь MX1274. Вся команда – в коме, только Супермозг еще видит последние мгновения жизни «Молота Возмездия», – гравитационные силы Взбешенной зоны настоль велики, что рейдер не выдержит их и доли мгновения.

Он уже и не выдержал. А мощный электромагнитный импульс вырубил Супермозг корабля. И никто не увидел, как рейдер превратился в практически невидимую безвредную точку.

А то, что успели увидеть, – всего лишь сон. «Бабочки взлетают с огромного дерева, летят и... падают замертво в Безвременье. Мириады бабочек. И где-то горько плачет девочка. Ее зовут, кажется, Тилил?».

3

Лилит старательно прихорашивалась. Сегодня должны вернуться родители и гости. Гости появились, когда Лилит спала. Ее же не захотели будить, потому что все куда-то спешили. А теперь совсем непростительно предстать пред ними неприхорошенной.

Мама, конечно, шепнула ей на ушко, к чему такая спешка, но Лилит ничего не поняла, хотя ей уже десять лет, а о придаче и говорить стыдно. Стыдно не знать, что такое – мечи, тем более, мечи Бога Гефеста. А, вы еще и Бога Гефеста не знаете? Но, скажите на милость, откуда это ей-то знать, если с тех пор, как вернулся отец, куда-то запропастились Ветер и Эхо. Тихо стало здесь и... страшно. Тихо – здесь. А страшно – тоже здесь. Нет, корни Древа жизни больше никто не подьедает, зато, кто-то все время скребется в крыше мира. Лилит редко теперь выходит из дома: слишком печально смотреть, как одна за другой гаснут звезды, и эльфы стали такими пугливыми, что все время хочется плакать. И родители стали чаще шептаться, а когда приближается к ним Лилит, умолкать, словно ничего не происходит. Как будто Лилит – все еще маленькая.

Обидно. Тем более обидно, что она пока еще не встретилась с Лучником.

Это, конечно, – никакие не мечи. Это было, как сказала бы мама, сущее безобразие. Только что была крошечная точка на горизонте, – и вот: «Здравствуйте, пожалуйста, гости дорогие, – явились – не запылились».

Это было что-то очень большое, – больше их дома. Наверное, это чудище и поедает звезды на небе? И теперь пришло, чтобы съесть ее?

Лилит не решилась перебежать в дом на виду у чудища, и спряталась за Древом, хотя это и ненадежное убежище.

Но чудище не торопилось ее съесть. Оно то ли уснуло, то ли выжидает, когда Лилит покажется. А ей очень надоело прятаться за Древом. Совсем не вовремя надоело. Стоило Лилит сделать несколько шажочков к дому, как чудище шевельнулось, – и из него вышли люди-человеки. Говорящие.

– Ну, что, Милей, это и есть царство Лилит?

«Тоже мне царство?», – Прыснула девочка, но сравнение почему-то ей понравилось.

– У меня спрашиваете? – Кажется, обиделся человек в одежде, отличной от одежды остальных.

– А у кого еще? Из нас только ты здесь и бывал.

– Это же тысячу, поди-ка, лет назад. Да, и не бывали мы здесь, а заскакивали пролетом. – Почему-то неуверенно сказал человек.

– Как, пролетом? Это же Начало Времен.

– Это уж точно. Втемяшились, помню, мы во что-то липкое, на Небытие похожее, еле еле вырвались. Чуток рейдер не потеряли. Кто же мог знать, что здесь же он и погибнет? Вот ты, Раунграсс, скажи, – Но вопроса почему-то не последовало.

Нет. Вопросы не последовало, потому что был он чисто риторическим, не имеющим надежды на полное осмысление происходящего. Технический рейдер вызвал на себя удар чужого флота, ну пусть, если хотите, не вызвал, а принял, но и это достойно всяческого уважения. Угнанный, все-таки принял, – и, возможно, этим спас «Молот». И весь Мир. А мог бы и сбежать, – скоростенка-то у него еще та. Сбросил бы щиты, и сбежал бы. А он навстречу Но Мир не поверит в его подвиг. Он же Там тоже был Супермозг. И этот Супермозг совершил самопожертвование! Нет, Мир в это не поверит.

А Раунграсс «услышал» вопрос Милей:

– Я тоже считаю, что про его подвиг все должны знать. Враги тоже, и тогда, возможно, будет меньше желающих захватить наш мир. Мы сделаем все, чтобы это произошло.

4

Вторжение на Главный Построитель Зеркал, «природный», то есть, Построитель, не могло остаться незамеченным. И не осталось. Судя по контурам, объект был довольно крупным, – размером не меньше рейдера первого класса – и это не на шутку встревожило всех семерых. Никто почему-то не подумал на «Молот»? Почему-то! Вообще!

Единственно объяснимое – Расщелина. С коей все Крайнее Время происходит нечто необъяснимое. Последнее Время – это когда Лучник и иже с ним пребывают на Краю Времен. Не Лучник же виноват во всем этом. Они здесь уже дней двадцать по местному исчислению, а все началось куда как раньше. По местным меркам, разумеется.

Вообще-то, это было абсурдным решением: с помощью Лабиринта переместиться во Время Лилит. Отговаривать было некому: предложила это сама Рамита, да ей и самой решительно вздумалось заглянуть в свое и Лучника, конечно, прошлое, поскольку оно и будет отправной точкой.

И никто не сообщил, ЧЕГО?

Решение было, действительно, абсурдным. Как и все остальное. Даугратинье – годом позже, однако! – пришла пугающая весточка от Милея, согласно которой снова требовались мечи Гефеста. И не где-нибудь, а на планете – двойнике Драмины, но во времени, слегка предшествующем времени Са Тала. Так было сказано в весточке.

А мечи были спрятаны в кристалле

– Под корнями Древа они. – Настойчиво возразила Даугратинья.

– Как они там оказались? – Разумеется, совсем не поверил ей Лучник. – Вы же ...?

– Помнишь, Звездочка рассказывала про золотые пластинки? Одну из них долго не удавалось расшифровать. Она и сейчас не полностью расшифрована. Сначала шифр представлялся как тройной «шифр в шифре», – и это дало возможность расшифровать первую часть пластинки, которая, думали, даст ключ к другой части, а потом все остановилось. Мы и так и этак – ни-в какую. А то, что расшифровали, казалось полной белибердой.

«Суждено славным воинам света навечно лечь под ножки маленькой принцессы Тилил там, где каждую ночь Ветер нашептывает эльфам сказки про то, как по хрустальному пруду плывет чудесный челн по пути, указанном печальным месяцем». – Даугратинья слово в слово помнила это предсказание, поэтому и выложила его одним духом. – И Звездочка нашла ключ. В каюте капитана «Ветра» она увидела еще одну золотую пластинку. А на ней картинка с прудом и челном. А луч месяца испещрен письменами. Они-то и позволили прочесть еще часть текста той пластинки и три другие полностью.

Там-то и было указано, что после боя лягут мечи в ларец-кристалл, – и доставят их эльфы к началу нового пути. А находится, вернее, находился тот ларец в пирамиде. Той самой. Как только мы вложили мечи на место, ларец исчез.

И там было сказано еще, что сии стражи будут оберегать покой принцессы Тилил. Принцесса Тилил, как ты понимаешь, – Лилитка, а начало нового пути – это Начало Времен. И я вспомнила, что у них в доме находится такая же картинка.

Стало быть, мечи, точно, там. Но старым путем туда попасть нельзя. Временная Расщелина там. Может, потому и пролегла та Расщелина, чтобы никто не мог взять те мечи.

– Так ты думаешь, что Гефест ...?

– Полно. – Прервала Лучника Даугратинья. – Для этого нет надобности рушить мир. Ты же знаешь характер Мечей.

– Разве? – Теперь возразил уже Лучник. – Не Расщелина ли отсекала Время Древних Богов.

– Нет, не Расщелина. – И в голосе ведуньи появилась прежняя твердость. – Есть разрыв, – не спорю. Но он не расширяется. Это что тебе стенка твоего рейдера.

Разговор сей происходил в Храме Рожаны. Рамита, надо понимать, ревностно прислушивалась к нему: не прошло и месяца, как вернулся Лучник. Нет, на сей раз он не был изранен, как в прошлый приезд, но очень сильно изменился.

И все бы ничего, но проскользнула в его рассказе парочка имен, встревоживших ее женское сердце. Конечно, она не стала расспрашивать о подозрительных подробностях, памятуя о своем далеком обещании.

Когда же возникло у Лучника сомнение в возможностях Лабиринта, она-то и предложила начать с исхода.

Как ни было это абсурдно, но попытка удалась. Благодаря Талии.

– Знала ведь, что рано уходить. – Обрадовалась их появлению опальная богиня. – Но не пойму, зачем это время выбрали. Совсем худое время. Что ни день, стучатся в «дверь все, кому ни попадая».

– В дверь? – Не понял Лучник.

– Стучатся всегда в дверь. – Усмехнулась Талия. – А дверь-то широкая. Назавтра уже решила замки навешивать.

– Но это же погубит Империю. – Воскликнула Рамита.

– Погубит. – И в голосе Талии услышалось горькое равнодушие. – Время Члунов пришло к закату, а время Силы еще не наступило. Если не закрыть Лабиринт, дорвутся до него вороги, тогда она и вовсе не возродится. Не так ли, Маурита?

И Даугратинья съежилась под ее взглядом.

– Талия, а сможет Лабиринт перебросить нас – Лучник поспешил переменить опасную тему разговора, но не смог сразу сформулировать описание того места.

– К Хранителям? – Поняла Талия. – Можно попробовать. Расщелина там хоть и широка, но нет в ней нужной Силы. Туда-то, всяко, пропустит.

Талия оценивающе посмотрела на небо:

– Гроза ночью будет. Утром и займемся. Но как обратно будете выбираться, не знаю. В ту сторону Лабиринт могу и не закрывать, а в будущее – придется. Но помни, во Времени Хранителей Лабиринта еще не было, – неоткуда вам будет заходить.

Такой грозы, как этой ночью, Лучник не припомнит, хотя Талия успокоила:

– Последнее время все такие. А при Са Тале тут ТАКОЕ творилось. Пошли-ка спать. Завтра рано вставать.

Она постучала в дверь еще затемно:

– Гроза закончилась. Пора и нам за дело приниматься.

Даугратинья «со товарищи» уже дожидалась на крыльце дома. Она нервно поглядывала на застилающую горизонт тучу.

– Эта-то мимо пройдет. – Успокоила ее Талия. – А вот следующая, если сейчас ничего не получится, устроит здесь то еще преставление света.

Деревья Лабиринта стройными рядами впивались в бездонное небо, но не образовывали непроходимую стену. Лес – как лес. Только, то ли видят не помнящие его глаза? Может случиться, что один шаг в сторону, – и окажешься ты в ином мире, а вот сумеешь ли воротиться обратно?

Вершинный камень – тоже все также первозданен, – «А чего ты хотел увидеть?», – уязвил себя Лучник, – он и в третьем тысячелетии от рождества Христова будет таким же. Только там будет еще и алтарь...».

– И то верно. – Подтвердила его воспоминания Талия. – Все собираюсь установить, да руки никак не доходят.

Талия критически посмотрела на Даугратинью. Та не выдержала ее взгляда и готова была вспылить, но Талия махнула рукой:

– Ладно. Вдвоем нам Горизонт не открыть, – придется и тебя подключать.

Она деловито расставила всех по лучам звезды, потом переставила по-новому, затем еще раз.

Последнее, видимо, ее удовлетворило, и она властно приказала:

– Всем стоять так, пока не скажу: «Ой-я». А вы не зевайте. Один раз скажу, на камень восходит один Лучник. Ты знаешь, что делать. На второй раз восходите вы двое. А на третий – Рамита и Маурита. Не мешкайте и не перепутайте. Рамита, держи амулет.

– Но это же амулет Арель. Ма. – Поправилась она.

– Нет, это другой амулет. Мой. Будем надеяться, ты успеешь вернуть его мне. А не успеешь, придется тебе стать Талией, опальной богиней. Шучу, шучу. Мне он больше не нужен. – И было непонятно, это приговор для Рамиты, или благая весть.

Рамита первая заметила, что сияние, кое их окружило, было похоже на сияние кокошника Богини Рожаны.

– Матерь божья. – Вскричал вслед за ее открытием Форпост. – Виновен я бесконечно.

– Конечно, виновен. – Услышали все проникновенный голос. – Никогда не след отвергать женское начало свое. Но время твоего материнства безвозвратно ушло, – и я прощаю тебя. Теперь у тебя иное Время – время защищать. И не будет тебе прощенья, если отступишь.

Я помогу тебе, Талия. Поднимай кокон.

Нельзя допускать, чтобы тобой овладевали страхи. Тем более, если ты владеешь Силой. Отвыкла от этого Рамита, отвыкла. И страх не преминул овладеть ее сердцем. А оно не забыло про Черный Морок и годы одиночества.

И кто бы мог подумать, что Черный Морок выживет. А он выжил и окреп.

Но, видимо, правильно выбрали отправную точку. На несколько шагов опоздал Черный Морок, – и успел только одно.

Лучник широко шагал впереди и не видел огромную тень, скользнувшую из ниоткуда, а вскрик, полный ужаса, застал его, когда он готовился уже нырнуть в узкое отверстие в сумеречной пелене.

К сожалению, он тоже отвык от борьбы, – и крик Рамиты «спеленал» давно нетренированное тело. А потерянных мгновений хватило, чтобы мощная лапа смогла схватить Рамиту за ногу и уже потащила к себе в нору.

Лучник понимал, что потеря темпа передвижения может сорвать затеянное, но у него всегда сначала срабатывает сердце, а потом разум. А можно ли иначе?

И снова, как и в случае с драконом, он поступил опрометчиво. Но теперь у него был только Меч-Одиночка, а Морок был гораздо шустрее Дракона, и опять на пути меча оказалась Рамита.

У Лучника оставалась только одна возможность, – изменить направление полета Меча за счет падения своего тела. Возможность – за пределами сознания. Ошибочная возможность.

Черный Морок невероятно силен и ловок, – и, когда Лучник снова вскочил на ноги, ни чудовища, ни Рамиты уже не увидел.

– Ну, что ж. Мне сегодня не помешает дополнительный ужин. – От отвратительного хохота, казалось, содрогнулся весь мир. – Я бы мог отпустить тебя, – зачем мне испорченное сознание. Но ты же, безумец, не уйдешь. А я не могу отпустить жрицу Храма Рожаны. – От отвратительного хохота как-то зримо сотрясались стены пещеры, и обильно осыпались на дно ее еле видимые светлячки.

– Ты прав, Черный Морок. Я уйду, но вместе с Рамитой.

А в ответ прямо перед лицом всколыхнула спертый воздух тяжелая когтистая лапа. Но в ней сейчас не было Рамиты, – и рефлекторное движение руки с Мечом достигло цели.

И уже не хохот, а не менее отвратный визг снова потряс всю внутренность все-таки пещеры.

А где-то вверху вспыхнул радужный свет.

«Рожана?».

Лучник бессознательно поднял голову.

«Не смотри ему в глаза!».

Крик Талии Лучник услышал, но радужное свечение уже попало ему в глаза.

– Поздно. – Захохотало чудовище, потрясая окровавленной лапой. – Он – уже мой.

Черный Морок уже родился извращенным созданием. Вечно голодное, вынужденное жить в опустылевшем Безвременье, оно не знало ни жалости, ни сострадания.

Но сегодня ему повезло. Дважды.

Все просто. Сначала – высосать сознание. Конечно, его. Все остальное – на потом. А жрицу – на десерт.

Все – до обидного просто. Черный кокон уже начал парализовать тело безумца. Уже чувствуется, как меч начинает выскальзывать из немощной руки. Только, не надо лишнего шума. Не люблю!

Не отводи глаза! Поздно это. Эти глаза – уже мои.

Черный Морок невольно отшатнулся, но было уже поздно. Вероятно, он поспешил назвать сознание Лучника испорченным. Испорченное сознание не способно сопротивляться. И не способно защищаться... чужим страхом.

Теперь сам Черный Морок отвел взгляд, но Чужой страх уже прочно вошел в его мозг, вцепился в него всеми лапами. И это был не какой-нибудь мелкий страх. Нет, это был первобытный страх змеиной расы, его расы. И, все же, и первобытный страх Черный Морок смог бы вытерпеть. Но над страхом нависла Смерть. Смерть, что уже забрала Время царственных особ.

И уже в глазах Смерти Черный Морок прочел, что перед ним стоит виновник их гибели, их извечный враг, потомок Белого Волка, или даже его воплощение.

Но Черный Морок – это же тоже смерть....

Пусть удар здоровой лапы пришелся в пустоту, но Черный Морок здесь – хозяин. И никогда он не выпускал своих жертв. Н-И-К-О-Г-Д-А!

И, хотя боль не отпускала, но он вспомнил: выпускал. Сегодняшнюю первую жертву. Но это было не сегодня.

Что ж? Сегодня она не уйдет. И потомок Белого Волка не уйдет.

Черный Морок теперь не ударил, а широко, сколько мог, загреб здоровой лапой вокруг себя. Пусто.

У Черного Морока, всю долгую жизнь проведенного во мраке, более чем прекрасное зрение, – и даже сквозь чужой страх он увидел, что жертвы убегают, они уже у края пещеры. Глупо, – он – всегда был молниеносен: один прыжок – и смертоносная туша уже нависает над бегущими людишками.

«Лучник, луч!».

Знакомые слова, и глупые: в Безвремяе нет ни света, ни лучей. Здесь даже молнии – черные.

«Как они посмели принести сюда отвратительный свет?».

Это же кричал не Черный Морок, а чужой, уже надоевший, Страх в его глазах.

Нет никакого света, это же отблеск молнии на мече, только меч оказался длинным, отвратительно длинным, хорошо отполированным мечом. И отвратительно острым.

Шкура Черного Морока давно уже загубела от времени, от холода и вечного лежания на голых камнях. Но сейчас она лопнула, словно кожа слабого человечки, и меч, не встретив сопротивления, пошел дальше, разделяя Черный Морок пополам.

«Лучник, оставь его. Время уходит».

«Глупцы! Время здесь не имеет значения. Пусть уходит. Лишь бы не ушли...».

А жертвы уходят, убегают, у....

Черный Морок метнулся вслед за ними, и распался на две части, нет, на три. Здоровая рука метнулась вслед за беглецами, но, не выполнив последнего желания, упала в шаг от жертв.

И Первобытный страх Змеиной расы... уже отрывался от затухающих глаз.

Так порою бывает. Создатель Боевого Лабиринта сам впервые сознательно перемещается с его помощью. И это значительно отличается от перемещения с помощью Зеркал.

Лучник глянул вперед: далековько до троицы, – и ему с Рамитой пришлось приложить немало сил, чтобы догнать их.

Лучник по инерции воткнулся в спину Тартара, едва не сбив с ног его и не уронив на землю Рамиту. Троица стояла, как вкопанная и растерянно озиралась: поскольку – так же не бывает? – пред ними внезапно выросла густая стена из саталовых деревьев, и пробиться через нее не представлялось никакой возможности. А где-то, недалеко позади, двигалось за ними нечто Чужое, но, кажется, давно уже привычное.

И время утекало. Возможно, как раз, сквозь эту непроходимую стену.

– Опоздали? – Все же устояв на ногах, замер в растерянности Тартар. – И что теперь? Обрато-то вернуться сможем?

– Куда-нибудь вернемся. – Это уже Даугратинья. – Ищите, как пройти вперед, то есть назад. – И вопросительно оглянулась на Рамиту.

Арель и Ола, как помнится, пели совсем другую песню, но у Лучника не было сомнений, что и эта, и та песни очень схожи.

У Рамиты снова отсутствовал взгляд, как и тогда, у острова. Но не та была песня, и не было сегодня ни шелеста листьев, ни шевеления деревьев. У сатала нет листьев, это же Наверное, это хвоя. Рука сама тянулась потрогать, но еще не пришедший в норму разум предупреждал: «Не след...». И уже проявился в стене метрах в пяти левее их серебристый овал, и это был нужный овал. По его дымчатой поверхности проскальзывали змейки разрядов, но Рамита негромко пела и словно слепая, пошла к нему.

– Это ловушка. – Протянула к ней руку Даугратинья, но Фэрростт решительно остановил ее.

– Не мешай. Это же сокровенная песнь Рожаны.

– А ты-то откуда ее знаешь? – Сильно удивилась ведунья.

– Не знаю. Слышал как-то.

А Рамита уже прошла сквозь овал, и он тут же начал медленно тускнеть, – и остальным не оставалось ничего иного, как броситься вслед за Рамитой.

Последним переступил овал Тартар. И только он услышал, как начало биться в закрывшийся овал Нечто, и тогда яркая вспышка коротко осветила зеленую стену.

Кажется, Даугратинья была права. За овалом оказалась еще одна такая же стена.

А у Рамиты закончилась песня. Взгляд ее «вернулся», – и она растерянно оглянулась на своих спутников.

Даугратинья, наверное, была права, но она не торопила Рамиту. Старая ведунья, волшебница, колдунья – все равно, была второй, а первой была ..., но не это важно. Важно одно – то, что Даугратинья-то хорошо знала Силу своей Королевы.

И только один Лучник знал, куда они попали. Талия, кажется, называла это пространство энергетическим каналом Лабиринта. И он знал возможные последствия. Талия не напрасно боялась следующей грозы. Если гроза накроет остров, то канал легко выжжет все, что в нем находится.

А в «если» сомневаться уже не приходилось. Начинало быстро темнеть, и по кронам деревьев заструились редкие голубые змейки.

– Ключ малаи.

«Кто это сказал?» – только, Даугратинье не нужно было повторять. А порошки-то уж всегда при ней.

Но едва она замкнула пентаграмму, как ее контур вспыхнул зеленым пламенем. Даугратинья вскинула вопросительный взгляд к небу.

– Треугольник – на шее у моей жрицы.

Рамита решительно шагнула в центр быстро угасающей пентаграммы, и подняла амулет над головой.

– Время!

Первой к Рамите шагнула Даугратинья. А Лучник теперь замыкал.

Но, пожалуй, только Фэрростт знал, что сейчас будет. Даугратинья умеет столбы строить, но ни разу ими не воспользовалась.

И он знал, что мало назвать грядущие ощущения неприятными, Ох, знал ли? Но он догадался облаптить всех, чтобы центробежные силы не разбросали их по Вселенной, или хотя бы по Времени.

Его поняли. Только Рамита не могла позволить себе дружеских объятий.

Столбы Даугратиньи действовали почти так же. Поток холода мгновенно раскрутил их до уровня потери сознания, но ему и этого было мало. Навстречу безумцам ударила снежная метель, – и через считанные мгновения они оказались одним огромным снежным комом. В коем нечем и незачем дышать. Потому что это Смерть. Абсолютная.

Богине не следует задавать пустых вопросов, да, и как задать? Но снежная корка спасла их в полосе огня. Нет, про огонь они узнали, когда, очнувшись, разыскивали друг дружку на заброшенном пустыре. Огонь, что постоянно порывался к ним, сейчас не смог причинить особого вреда, он даже не просушил одежду и не согрел занемевшие от Вселенского холода тела, разбросанные по всему пустырю.

Богине не задают вопросов, но

– Благодарю тебя, Всемиловейшая Богиня, за то, что не оставила нас, не бросила на произвол судьбы – Лучник знал, что будет долгой благодарственная молитва Рамиты, но не торопил ее.

Жизнь в космосе принуждает к двум противоположным постулатам по отношению к богам. Богов никто не встретил, но следы богов имеются повсюду. Правда, это утверждение не относится ко всей этой пятерке, и Лучнику в том числе.

Не торопили Рамиту и остальные, немного ошалевшие от испытанных потрясений.

Глупо ожидать, что и короткий шок Пространства-Времени останется незамеченным Хранителями.

Сначала влетел на пустырь Кронос и, конечно же, прежде, чем закончилась молитва Рамиты. Он, разумеется, узнал бы Даугратинью и Фэрростта, и даже Лучника, но сначала узрел Рамиту с поднятыми к небу руками

Нет, чужаки тут давно не появлялись, если не считать таковым Тысячеликого, но и его давненько не было. Давненько – это после тех незабываемых событий. Это для Лилит – пять лет, а на самом деле – кто когда-нибудь мерил эти тысячелетия, или хотя бы столетия?

Та-а-ак! И, хотя в отношении остальных много сказано-пересказано противоречивого, но самосуда Кронос не потерпит. Кем бы она ни была.

Рамита растерянно и недовольно посмотрела на человека, прервавшего ее молитву. Но кокошник Рожаны, мелькнувший над неугасающим заревом усмирил ее гнев.

– Что тут происходит?

– Приветствую тебя, Великий Кронос! – Лучник, кажется, забыл кое-что, или только прикидывается?

– А я погожу. Повторяю, что здесь происходит?

– Уж больно ты грозен сегодня, Кронос. – Усмехнулась Даугратинья. – Плохо гостей встречаешь.

– Это еще надо посмотреть, насколько вы гости. – Презрительно посмотрел на нее Кронос.

– Так и смотри. Нечего громы-молнии метать. – Вот, еще с Кроносом церемониться!. – В дом-топустишь? Разговор-от тайный предстоит, для чужих ушей не предназначенный.

– Где ты видишь чужие уши? – Недовольно спросил Кронос, и оглянулся на жену. А Ма уже обнималась с той женщиной. Или боролись они?

Кронос еще сомневался, но Ма он возразить не посмел.

Визитеры принесли весьма загадочные и тревожные вести. Но они же и оказались ключом к загадкам, что возникали в последнее Время. В принципе, Расщелины во Времени давно не являются тайной для Хранителей, но то, что одна из Расщелин отделила Хранителей Времени от самого Времени, неприятно поразила Кроноса. А он-то полагал, что во Вселенной все спокойно.

Если честно, то и в Начале Начал не все благополучно. Какие-то эльфы И это больно уязвило самолюбие Кроноса. Лилит же неоднократно рассказывала, что само Древо рождает эльфов, а он принимал ее рассказы за детские фантазии. Но теперь и взрослые рассказывают, что эльфы перенесли сюда загадочные мечи. А он и этого не заметил.

Но как это «лечь под ножки Лилит»?

– Возможно, это отвлекающий ход. – Пояснила Дауграгинья. – Мне кажется, у вас в доме висит картина, похожая на ту, что на «Ветре».

Такая картина, действительно, нашлась. И лунный луч был так же испещрен вязью письма. Иного письма.

Совсем права оказалась Дауграгинья: ларец находился не под Древом, а на пустыре, том, куда и были переброшены гости. И, видимо, не случайно пытались прорваться туда языки чуждого пламени.

Проговорили они долго, потом почти весь день мечи искали, но не нашли. Пришлось на следующий день все перепроверять и снова искать мечи. Мечи-то нашли, но на этом все не закончилось. Новое проникновение в Начало Начал, снова не вовремя замеченное, принесло новые огорчения, от коих и несварение желудка не зазорно получить. И осуждающе покачать головой, когда Лучник стал выговаривать команде:

– Я же приказывал на месте оставаться. А теперь все тут можем на века закуковать.

Но и Милея не поддержал, когда тот пытался Лучника урезонить:

– Не в меру расшумелся ты, Ванюша. Я виноват, меня и хули. Не мог я наказ не выполнить.

Мог, не мог. Не о том речь. Дауграгинья-то тоже здесь обретается, что и поразило Милея. Все перепуталось! Мозга за мозгу так зашла, что и калачом ее оттуда не выманишь. Кому сказать? Знать, Время совсем с катушек съехало. Это надо же! Позвать Лучника, отправившегося за Мечами, во времена Члуна-Икосаэдра, чтобы годом позднее отправиться за мечами, поскольку без этих мечей Мечники не остановят того, кто к Кристаллу Белого Волка рвется, а Лучник, то есть, Са Тал

– Хватит, Милей! – Взмолился Кронос, и совсем расстроился.

Но что его расстройство? У Хранительницы Ма – и лица нет. Речь даже не о Древе и не о Лилит, хотя это самая большая ее боль. Речь идет о том, что кто-то настойчиво пытается помешать созданию Лабиринта. Ма тоже не безоглядно поверила в то, что на Лучника замкнулось Время. Всего скорее, оно замкнулось на Лабиринт, а Лабиринт оберегает своего создателя. А что это меняет? Ровным счетом – ничего. Это если все идет, как шло.

Верь-не верь, но что делать со всем этим, Хранители не знали.

Кронос-то теперь тоже благосклонно к Лабиринту относился, – как-никак, а спас он его от вечного изгнания, но не в изгнании суть, а в том, что, если Время позволило Петлю «замутить», то и нечего на нее покушения организовывать.

Но, тем не менее, Кронос все еще не верил в абсолютную вину Тысячеликого. Вот, перестали Зло уравновешивать, так Зла больше и стало. Попробуй, опровергни?

Теперь вот, кто-то штурмует Время Чулика, – предпоследнего из Чулунов. Нет, правильнее – Члун-Ика, или Чулуна-Икосаэдра. Из этого-то времени вышел и Кронос, если он не ошибается в расчетах. Но тут вероятность ошибки пятьдесят на пятьдесят.

– Почему? – Вопрос был задан Кроносом вслух, и Дауграгинья была готова на него ответить:

– Именно на это время приходятся первые упоминания о Са Тале А Корне.

– Логичнее было убрать его родителей. – Сразу же возразил Кронос.

– И это говорит Хранитель? – Усмехнулась ведунья, но он не дал ей развить мысль:

– Я не Хранитель, я – Садовник.

– Тебе виднее. Возможно, это и хотят они сделать. Хроники ничего не вешают про его родителей, словно их и не было. Всего скорее, это кто-то из Магов. История больно уж запутанная.

– Темнишь что-то, Маурита? Ты же – из Лучших. Лучшая. – Не сдержалась Ма.

– Время было сложное. – Уклончиво ответила Дауграгинья. – Волшебницы были вынуждены скрывать своих детей, часто отдавали их в бездетные семьи. Члун-Доде не жалел ни детей, ни их матерей. Я полагаю, Арель не надо об этом рассказывать. Тебя ведь тоже скрыли.

– Мои родители были боевыми Магами.

– Знаю. – Поморщилась Дауграгинья от ее упрямства. – Но при Доде я тоже ничего не ведала про них.

Этот спор мог бы увести далеко в сторону, и терпению Кроноса пришел конец:

– Это все, конечно, любопытно, но кто объяснит, что делать. Если они прорвутся сюда, то кто защитит Древо? Я так понимаю, что теперь даже мечи не смогут защитить его, хоть и не слишком уверен в их Способностях.

– Полагаю, не о Древе речь, а о Лилитке. – Сказала Дауграгинья уже без всякого ерничества. – Как ее защитить?

А сердце Ма уже подсказало, что ведунья знает нечто большее, чем сказала.

– Что-то знаешь? – Не спросила, а прошептала Ма-ть.

– Я же говорила, что письмена часто направляют на ложный путь. – Снова отделалась иносказанием старая ведунья. – Звездочку надобно спросить.

– Что знаешь? – Заставила выкрикнуть сердечная боль матери.

– Ничего. Почти ничего. – Помрачнела Дауграгинья. – Звездочка считает, с нами ей лететь надо, но я в этом не совсем уверена. Не готова еще Лилитка выйти в Мир.

Глава четвертая

Члун-Икосаэдр. Страсть и разочарования

1

Члун не оглядывался назад, – он догадывался, что стража потешается, глядя ему вслед. Этим зубоскалам, видимо, больше делать нечего. Воевода так еще и не оправился после ранения, – и распустились не только стража, но и дружина. Впрочем, это Члун только предполагает. Что же творится на самом деле, ему неизвестно. Его, вот, тоже могут упрекнуть, что государственные дела на самотек пущены.

И про ущербную грань он вспоминал всегда не вовремя: чаще, когда гранильщики возле него не было. А на сам-то кристалл когда в последний раз смотрел? То-то и оно. Не тем голова забита. И сам понимает, не тем, да, что поделаешь: если и сны, и мечты – все о ней. Не о грани, конечно, а о деве той.

Сердцем-то он понимает, что напрасно тешит себя надеждой. Не до того сейчас. То, что с градом после их визита начало что-то тревожное происходить, заметно и понятно не только ему. Своя городская стража и то каждодневно о граде нерадостно докладывает: и обозы стали редки, и под усиленной охраной всегда. И стражи на тех стенах больше стало, и теперь более тревожна она и бдительна, – не то, что в первые дни, теперь-то всякого, в град входящего, с пристрастием обыскивают. Пушки хоть и не стреляют, но пушкари там неотрывно виднеются. Оттого и своя стража про вольность свою забыла. Этим-то, признаться, немного обиделся Император, – больше на его попреки козыряют. Описанных тем «посольством» чужаков возле града пока еще не видели, но каждый человек на том берегу на счет поставлен. И, когда император на берег уходит, за податью якобы, вся стража в стойку стает, но откровенно не понимает, почему в одиночку, что совсем непозволительно Императору. А вдруг, если что ...? Вот, если бы в сопровождении «свиты»? Но он и «свиту» с собой не берет, что еще более не понятно: девицы только и ждут этого. Члун вздохнул: понятно, что они себе вообразили, ведь почти сразу же заметили новое отчуждение между ним и «благоверной», – и теперь ему приходилось сталкиваться с ними на каждом шагу.

Но, разумеется, как он мог на берег их брать? Надежда на то, что дева увидит его и приплывет, была слабой. Он больше надеялся встретить Милея, – с ним сначала переговорить, но и Милей пропал, как в воду канул.

Немного не дойдя до берега, Члун остановился и огляделся по сторонам. Вот уже и лето – на исходе, а Милей так и не показался. Скоро зарядят дожди, – и про берег придется забыть. Но сегодня еще погожий денек: тепла прежнего, конечно, нет, но это и к лучшему, – меньше стала доставать надоедливая мошкара.

– Все подать ждешь?

Члун от неожиданности вздрогнул. Милей? Нет, конечно. Оторопь быстро прошла, – Члун понял, что за спиной стоит Воевода. Но чувствует Члун, что краснеет, как захваченный на месте преступления.

– Н-нет! – В попытке совладать с возникшим смятением Члун терялся все больше.

– Боюсь, не будет в этом году подати. Тревожно у них. – Воевода по привычке мял свою бороду.

– Я же сказал, не подать жду. – Смущение не проходило, оттого и помрачнел Император. – Сам вижу, что неладно у них. – И сделал неловкую попытку укрыться от внимательного взгляда Воеводы.

– Ну, нет – так нет. – Миротлюбиво сдался Аромей. Он не усмехался, но Члун теперь ощутил колючую неловкость.

– Давно хотел с тобой посоветоваться, но как-то не получалось. – Растерянно проговорил он, невольно пряча глаза. – Помнишь деву из града того?

– Это ты, что с нами была? – Снова принялся за бороду Аромей.

– Не, другая, та, что пришла из града

– Помню. – Прищурил глаз Аромей.

– Жениться на ней хочу. – Выпалил Члун, обрезая все пути к отступлению. – Что скажешь?

– Плохой я в этом деле советчик. – Сразу помрачнел и Воевода. – Непростое решение. Поймет ли народ? У тебя вот-вот наследник родится, а тут такое

– Против, значит? – Обидчиво уточнил Члун.

– С плеча, государь, рубишь? Я же говорю, непростое, стало быть, дело. – Как-то поник Воевода. – Дева знатная, – не заказано не влюбиться.

– Давно я ее люблю, с такого вот возраста, – Почти выкрикнул Члун и провел рукой на уровне пояса.

– Бывает. – Неопределенно проговорил Аромей. – Но не спеши пока, не руби, говорю, с плеча. Народ наследника ждет.

– Я тоже жду. Все время жду. – Вспылил Император. – А сейчас сомнительно что-то.

– Не поймет народ. – Вздохнул Воевода. – Времена, кажись, лихие грядут. Ему опора нужна.

В столицу они вернулись молча, словно порознь, но Император послушался своего Воеводу. А Члун?

Грань так и осталась неотшлифованной.

2

Обычно осень, а за нею и зима, пролетают, – или проползают? – слишком медленно. Но эта пришлась наособицу. Может быть, потому что Члуну привалило забот – и за год не расхлебаешь? Мало того, что присоединившиеся земли слали ходоков не реже, чем раз в десять дней, так еще и Воевода Аромей отставку запросил. Замену себе он сам назвал, но будет ли она равноценной – это как посмотреть.

– Чую, не вовремя ты это задумал. – Пытался увещевать его Император. – Окраинные землю – в большой тревоге. Защитят ли их молодые-то Воеводы?

– И я не вечен, Государь. – Гудел в ответ Аромей. – Сам видишь, не проходит хвороба-то.

– Хитришь, я думаю? – Члун чувствовал подвох, но понять не мог.

– Какое, хитришь? – Стоял на своем Воевода. – Не вовремя увечье получил, хотя, когда его время-то, как познать?

– Ой, хитришь, Воевода. – Сощурил глаз Члун. – Куда это податься решил? Али тоже кто-то на острове приглянулся?

– Какое – на острове? – Малось смутился Воевода. – Хворобу лечить поеду. Заедная, кажется, хвороба, – столько времени прошло, – а никак не отпускает. К ведунам поеду

– К ведунам? – Мгновенно рассердился Члун. – Никак нельзя к ведунам, – враги они.

– Не прими Государь за обиду. – Осмелел Аромей. – Долго я думал, – и решил: не менее половины бед наших – из-за того, что враждуем с ведунами.

– Во-во! – Заупрямился Император. – Сам и сказал, что беда от них.

– Не то я сказал. – Упрямо вскинул голову Воевода. – Не заключим союз с магами – новой беды не миновать.

– И кто это тебе напел? – Обидчиво спросил Члун.

– И не напел, а сказал. Милей сказал. Как есть, сказал.

– Милей? – Недовольно протянул Члун. – Нашел, кого в советчики брать? Вернулся что ли? – Но надежду так и е решился будить.

– Нашел. – Что-то смелым стал Воевода? – Не чета он твоему Новару-то. У Милея не гонором голова-то забита.

Члун промолчал. Да, и что отвечать: думали, сгорел Новар, ан нет, выкарабкался, только осторожнее стал.

К слову, об обузе. Наверное, только для Члуна зима пролетела быстро. Никто не был готов к таким морозам и снегопадам. Хоть и коротки, но больно уж яры они были. Что греха таить? – многие обвинили в этом Град таинственный, но вини – не вини, а доказательств нет – как нет, хотя вот он Град-то, и подать привезли достойную: зерно, муку, и многое другое. А главное – чудо чудное – рыбу копченую, каковой испокон веков не пробовали. Оружия, правда, мало поставили, но никто ведь и не оговаривал размер и суть подати.

Но, как бы то ни было, зима закончилась. Ни войны, ни голодных бунтов не приключилось. Воевода Аромей пока еще – не в отставке. А прибавь к тому, что у дружины – справное довольствие, то получается, что есть, кому границы защитить. Одна незадача: не идут из головы слова Воеводы по поводу магов. Тема-то щекотливая. Маги – своенравный народ, – Члуну, кстати, во многом непонятный. Но, как ни спорь, а было в речи Воеводы, о чем задуматься. Может, родители и в самом деле не менее виноваты, нежели маги: сначала его дед отдалил их от государства, а затем и отец сделал новую ошибку, пойдя войной на земли совсем ему ненужные, – и потерпел позорное поражение. А после поражения «посыпалась» Империя. И до сих пор можно услышать, что таково было проклятие магов, но снова ни доказательств этому, ни воли идти новой войной на магов больше не было.

«Если не заключим союз с магами...». Легко сказать. Члуны никогда не шли на поклон. И маги тоже.

– Милея-то давно не видел? – Спросил Члун, еще не осознав, что, кажется, находится путь к решению.

– По осени.

– Как думаешь, не в граде он?

– Не ведаю. – Но сам догадался уже, что Милей отправился мечи загадочные искать. – Надеюсь, скоро вернется.

Не следовало говорить последние слова. Но слово – не пташка ловчая, а Император тут же ухватился за них.

– Это почему ты надеешься? – Хитрая bestия, но и Аромей – не промах:

– С градом-то тем не все утрясены дела. И у нас ясности нет, и у них – беспокойно.

Императора ответ, похоже, устроил, и новых вопросов не последовало. О Милее, разумеется. А дела государственные без вопросов не бывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.